Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

No 33

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

№ 33 Нью-Йорк Июль 1983

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $ 15.00 USA for three issues
5.00 USA per single copy

Founder
Paul Olferiev

—

Managing Editor
Nicholas W. Koziakin

—

Administrator
Eugene Girs
85-59, 88th Street
Woodhaven, N. Y.
11421

—

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДОНЦАМ ОТ ГЕН. ХРИПУНОВА

(Получено И. Квятковским незадолго до смерти генерала)

Дорогие однокашники — Донские Кадеты!

Я, как наистарейший кадет Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса выпуска 1907 года, т. е. ровно 76 лет тому назад, душевно приветствую дорогих и близких мне по духу донцов-однокашников со столетним юбилеем основания нашего родного Дон-Корпуса.

В стихотворении Лермонтова «Бородино» говорится:

«Когда б на то не Божья Воля — не отдали б Москвы...»

Мне хочется повторить и сказать: не будь Господня Воля на то, чтобы все Российские Кадетские Корпуса прекратили свое существование, сколько бы еще эти корпуса могли дать России верных сынов, честных, благородных, за совесть преданных Вере, Царю и Отечеству. Но судьбы Господни неисповедимы и непостижимы, и нужно только благодарить Бога за то, что Ему благоугодно было соизволить даровать нам счастливую возможность прожить в стенах родного корпуса несколько лучших и незабвенных лет нашего земного бытия...

Постараемся должным образом отметить в печати вековое существование нашего дорогого Корпуса-училища, нашего родного Альма Матэр.

Девяностотрехлетний

Генерал Хрипунов.

ОТ РЕДАКЦИИ: В одном из ближайших номеров журнала будут напечатаны статьи посвященные столетнему юбилею Донского Корпуса.

Редакция поздравляет своих читателей донцов со столетним юбилеем Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса.

Белое Движение на Юге России в 1919 году и маршал Пилсудский.

Польские события последних двух лет, так же, впрочем, как и все несчастья, обрушившиеся на Польшу во время польско-советской войны 1919-20 гг. и потом, начиная с сентября 1939 г., закончившиеся установлением в ней коммунистического режима правления, невольно воскрешают в памяти участников Белого движения тот период, когда после окончания Первой мировой войны 1914-18 гг. руководители возрождавшегося Польского государства должны были в 1919 г. сделать выбор в отношении своей политики в русском вопросе между двумя решениями: иметь ли в будущем, по окончании русской гражданской войны, своим восточным соседом восстановленную национальную Россию или же использовать создавшуюся обстановку для расширения территории Польского государства на восток, за счет России, пусть даже путем военных действий против Красной армии и, в таком случае, воздерживаться от какого-либо содействия белым армиям Юга России, видя в случае их победы препятствие к осуществлению дальнейших планов начальника Польского государства маршала Пилсудского.

Принятие первого решения, то есть борьба совместно с Белым русским антикоммунистическим движеним против общего врага, откровенно стремившегося к мировой революции и к установлению во всех странах Европы коммунистических правительств, подразумевало, конечно, согласование военных действий польских вооруженных сил с белыми армиями Юга России, осенью 1919 г. победно продвигавшимися по направлению к Москве. Второе решение, наоборот, означало ни под каким видом не оказывать никакой помощи, хотя бы косвенной, войскам генерала Деникина, отказываясь от всякого взаимодействия с ними, чтобы «не допустить победы контрреволюции» и «реакции» (в кавычках) в России.

За годы, прошедшие с того времени, когда Польша сыграла очень важную роль в неудаче вооруженной борьбы белых армий Юга России и, как неизбежное следствие этого, в укреплении в России советской власти, многие свидетели событий, о которых будет идти речь, так же как и большинство участников Белого движения, сошли уже в могилу, почему на долю последних из них, еще оставшихся в живых, лежит

долг постараться, в меру своих сил и возможностей, восстановить историческую правду для тех поколений наших соотечественников, из которых одни покинули страну осуществленного социализма только после войны 1939-45 гг., другие — выросли или даже родились за рубежом и не знают многого о Белом движении, вообще, ни о внешнеполитических установках его вождей, в частности. Поэтому, как у одних, так и у других, вполне естественно может возникнуть вопрос, какое же решение принял тогда маршал Пилсудский, какими мотивами он при этом руководствовался и, с другой стороны, как в действительности относились вожди Белого движения к возрождению самостоятельной Польши.

От ответа на этот вопрос и зависит правильная оценка позиции, занятой тогда маршалом Пилсудским, позиции, оказавшейся роковой и для Белого движения и для дальнейшей судьбы Польского государства.

Как это ни может показаться странным, этот же вопрос обсуждался и в кругах польской антикоммунистической эмиграции в 1966 г., то есть через 47 лет после событий 1919-20 гг.

В издающейся в Париже русской эмигрантской газете в 1966 году было помещено «письмо из Лондона», — статья под заглавием «Скандал вокруг польского бестселлера», подписанная г. П. М. К-цким, из которой можно уяснить себе взгляд польских эмигрантов на русскую политику маршала Пилсудского и, в частности, на его отношение к русскому противобольшевистскому Белому движению.

В полемике по этому вопросу, «страстной, резкой и подчас истерической», по выражению г. П. М. К-цкого, из статьи которого мы и заимствуем ее историю, принимали участие, высказываясь в польской эмигрантской печати и на различных собраниях, бывшие польские министры, генералы, занимавшие руководящие посты в польской армии, партийные и общественные деятели, писатели, критики и т. д.

Поднялась она, эта полемика, вокруг вышедшей из печати в декабре 1965 г. книги известного польского писателя Иосифа Мацкевича «Лева-вольна!» — команда, означающая приказание кавалерийской колонне принять вправо и тем освободить левую сторону дороги для встречной или перегоняющей другой колонны (в русской коннице — «Повод вправо!»). В заглавии романа играет роль и употребление слова «лева» в политике (левый, левая): с одной стороны — действие романа происходит в польском уланском полку, в ко-

тором служит главный герой романа, времени польско-советской войны 1919-20 гг., когда ему часто приходится слышать эту команду, с другой — так как роман переплетается с описаниями исторических событий и фактов, его заглавие как бы показывает, каким именно способом была открыта «левой» стороне дорога к окончательной победе.

Роман этот, скорее эпопея, — говорит П. М. К-цкий, — написан яркими красками. Читая его чувствуешь как бы дыхание ветра над тысячеверстным фронтом, привкус на губах пыли, взбитой копытами проходящей конницы, запах полей и разогретой на солнце кожи поводьев и конского пота; слышится скрип седел, говор, брань и солдатская матерщина, нераздельные с тогдашней суровой действительностью как свист пуль, строчка пулеметной ленты, тусклый блеск обнаженных клинков. Зато не чувствуется в книге Мацкевича того, что неразрывно связано со всяким национальным поборничеством: все действующие лица как бы равны перед лицом событий, будь то поляки, русские или другие».

Литературные достоинства романа, кажется, ни у кого не вызвали сомнений. Польский поэт Мариан Темар написал восторженную рецензию («Тыдзень польский» 15-1-66), возвысив Мацкевича выше польских классиков. «По сравнению с Мацкевичем, — писал Темар, — Генрик Сенкевич — просто автор книг для детей. Со времени Жеромского не было в польской литературе прозаика столь крупной величины». Лауреат нескольких литературных премий писатель Карл Збышевский посвятил эпопее Мацкевича не менее восторженную статью под заглавием «О началах нашей независимости — иначе» («Литературная среда» 21-1-66). Он же первый обратил внимание на историческое содержание романа.

Выступили с хвалебными отзывами и другие польские писатели как известный критик Михаил Хмелевец, М. К. Павликовский, князь Лев Сапега и другие. Состоялся ряд «вечеров» и публичных дискуссий на тему о книге Мацкевича, и, по мере все возраставшего интереса к роману, в редакции польских газет и журналов хлынула масса писем «за» и «против». Центральная польская библиотека в Лондоне признала, что роман пользуется рекордным успехом: на каждый экземпляр образовываются очереди до 60 человек.

В исторической части романа речь идет, оказывается, о том, что маршал Пилсудский и его социалистическое окружение ошибочно считали врагом Польши не «красную», а

«белую» Россию, что позиция, занятая Пилсудским в отношении русского Белого движения воспрепятствовала разгрому большевиков на первых же порах существования советской власти в России, обстоятельство, послужившее началом всей той действительности, которая и существует поныне.

9 февраля 1966 г. появилось в «Литературной среде» интервью с автором: «Разговор о громкой книге». На заданный ему вопрос Мацкевич ответил следующее:

«... Говорят о гении Пилсудского... Но Пилсудский сам же признал, что он ожидал от большевиков, от большевистской России, что она скорее, чем любая иная Россия, захочет удовлетвориться лишь чисто великорусской территорией...

Помилуйте, — продолжал Мацкевич, — этого единственного, капитального политического взгляда достаточно в доказательство того, что маршал Пилсудский не только не осознал, что такое большевизм, но действовал в каком-то тумане, оторванный от окружающей действительности. Что же касается вопроса, почему большевизм не был в те годы разгромлен, обратимся за ответом лучше всего к самому Ленину. Он сам, сейчас же после подписания перемирия с Польшей, признал на Московской партийной конференции, что большевики «давно бы висели на придорожных деревьях», если бы им не удалось использовать взаимной вражды, раздиравшей их противников. Подразумевая в данном случае Деникина-Пилсудского-Врангеля-Францию».

Надо сказать, что г. П. М. К-цкий считает, что Мацкевич, по-видимому, использовал, кроме старых, более или менее известных материалов, также и новые, до сих пор недоступные, как, например, впервые опубликованные в Париже мемуары польского премьер-министра Витоса, хранящиеся в тайном архиве записки графа Коссаковского о секретных переговорах Пилсудского с Лениным в 1919 г., инструкции, данные маршалом его засекреченному агенту капитану Боернеру, воспоминания некоторых польских большевиков, изданные теперь в Варшаве, и многие другие.

— - —

В общем, основная мысль исторического повествования Мацкевича сводится, в главных чертах, к следующему:

Пилсудский не был гением и не возвысился выше других национальных вождей того времени. Он и его социалистиче-

ское окружение считали «врагом № 1» не красную, а белую Россию, и Ленин это знал. В 1919 году, образовывая везде, где это было возможно, большевистские правительства всех национальностей, он сделал исключение для Польши, так как надеялся на секретнсе с нею соглашение. Карл Радек, который после неудачного коммунистического путча в Берлине в 1919 году был вытребован Пилсудским под предлогом, что он — польский гражданин, житель гор. Тарнова, пребывал затем тайно в Польше и потом был в секретном порядке препровожден офицерами 2-го отдела польского Генерального штаба на советскую сторону. Доверенный Ленина, известный немецко-польский большевик Юлиан Мархлевский приезжал в Варшаву, а потом вел тайные переговоры в Беловежской Пуще и в Мокашевичах. Пилсудский пошел на тайное соглашение с большевиками и сохранял «нейтралитет», ожидая, пока красные победят белых Командующим армиями был отдан строго секретный приказ ни под каким видом не оказывать помощи войскам Деникина. Пилсудский дал лично капитану Боернеру для передачи Мархлевскому, а через него Ленину, заверение, что сделает все возможное, чтобы не допустить победы контрреволюции в России.

Это была уже подлинная «карт бланш», ибо Пилсудский прибавил: «во всяком случае! Даже если бы господин Ленин не захотел поверить в искренность моего решения». Но Ленин поверил, и в то время, когда польские силы десятикратно превышали большевистские, снимал войска с польского фронта перебрасывал их на юг России. Ленин предлагал Польше мир, но имел в виду мир, подобный «Брестскому» (мир большевиков с Германией), то есть «пространство взамен времени». Весной 1920 года Пилсудский сделал ошибку, стянув главные свои силы на Украину, в действительности против пустого пространства, в то время как Ленин все силы, освобожденные с деникинского фронта, за исключением конницы Буденного, сосредоточил в мощный кулак на северном, белорусском участке фронта против слабых польских сил, что привело к июльской катастрофе 1920 года, разгрому и почти бегству польских войск до самой Варшавы.

Ленин протягивал уже было руку, чтобы захватить «ключ в Европу», ибо в этом состояла действительная его цель. Война не была «польско-русской», а войной со сверхнациональным нашествием большевистской заразы, то есть не «русской», а мировой революции. Но Пилсудский этого не по-

нимал, также как и Деникин, боровшийся, с своей стороны, исключительно за «единую и неделимую»? (здесь мы позволим себе поставить вопросительный знак, так как все вожди Белого движения в своих обращениях к союзникам настаивали именно на мировом значении Белой борьбы. Относительно же «единой и неделимой» будет сказано ниже).

Главные противники Пилсудского спорили между собой, кому из них должны принадлежать земли бывшего великого княжества Литовского (?) (еще один вопросительный знак), в то время как Ленин помышлял о завоевании Европы, а потом и всего мира. Но и после польской победы под Варшавой Пилсудский, несмотря на изведанный им опыт, не переменил своей точки зрения. Большевики потерпели под Варшавой решающее поражение, а затем, в конце сентября 1920 г., в сражении, названном «Неманским», были разбиты вдребезги. К этому времени польская военная мощь достигла почти миллиона штыков и сабель, и перед ней образовалось, в сущности, пустое пространство почти до самой Москвы, притом насыщенное антибольшевистскими крестьянскими восстаниями. А с юга двинулся Врангель...

Но тут происходит нечто непонятное, — говорит Мацкевич. У Врангеля было тогда около 40 тысяч бойцов. Однако, Ленин с высочайшей партийной трибуны бросает отчаянный клич: «Все на борьбу с Врангелем! Все против Врангеля!», ни одним словом не упоминая об угрозе со стороны миллионной польской армии. Снятая с эстонско-финляндского участка 6-я красная армия, последняя боевая опора в северном районе, отправляется не для заслона открытого перед поляками пространства через Белоруссию на Москву, а походным порядком, вдоль польского фронта, на Крым... Что же это такое? Новое тайное соглашение с большевиками?.. Об этом мы ничего не знаем. Но знаем зато, что Пилсудский 12 октября поторопился заключить мир с этими «уже уничтоженными» большевиками и не только не продвигается вперед, но и поспешно оттягивает свои войска назад. А 15 октября, еще до вхождения в силу заключенного перемирия, распускает все русские, украинские, казачьи и другие антибольшевистские части, сражавшиеся на стороне Польши, якобы «под давлением условий»... Со стороны кого? Исходящих от кого? От разбитого противника?

Так, в общих чертах, представлены г-ном П. М. К-цким в своей статье исторические события, изложенные в романе Мацкевича.

Но, кроме всего этого, есть в романе Мацкевича, — продолжает г. П. М. К-цкий в своей статье, — еще одно место, которое, по-видимому, особенно задело еще многочисленных поклонников Пилсудского. Это — описание решающего сражения под Варшавой, окончившегося поражением советских армий.

Как известно, красные армии Тухачевского, тогда командующего Западным советским фронтом, были разгромлены ударом по его левому флангу польской ударной группы, сосредоточенной южнее Варшавы, в районе Демблина (бывший Ивангород). Этот стратегический маневр было принято в Польше называть «гениальным». Но уже с того времени и до сих пор идет спор, кто, собственно, был автором этого плана: сам маршал Пилсудский? начальник французской военной миссии в Польше генерал Вейган? или же начальник польского Генерального штаба генерал Розвадовский?

И вот теперь, спустя почти полстолетия, Мацкевич выступил со «скандальным» разоблачением: план этот был чуть ли не фотографической копией русского плана так называемой Варшавско-Ивангородской операции октября-ноября 1914 г., но лишь в повернутом обратно направлении. В 1914 г. немцы наступали с запада на восток на Демблин, южнее Варшавы, и контрманевром 2-й и 5-й русских армий были вынуждены отойти обратно на исходные свои позиции под угрозой охвата со стороны Варшавы их почти открытого левого фланга. Заметив опасность занесенного над ними русского кулака, немцы, избежав разгрома, поспешно отошли назад больше чем на 150 клм.. почти к границе Верхней Силезии. В 1920 году большевики шли с востока на запад севернее Варшавы почти вслепую и, не отступив во-время, были разбиты наголову (часть 15-й и остатки 3-й и 16-й красных армий отступили к концу октября на 250 клм. от Варшавы к востоку, примерно на линию Минск-Мозырь. 4-я красная армия, две дивизии 15-й и 3-й конный корпус Гая были вынуждены перейти на территорию Восточной Пруссии, где были разоружены немцами и интернированы. КП.).

Но в 1914 году никому не пришло в голову, — говорит Мацкевич, — вести долголетние споры о том, кто был автором русского контрманевра: Великий Князь Николай Николаевич, его начальник штаба генерал Янушкевич или же генерал-квартирмейстер Ставки генерал Данилов. В Польше же, с 1920 года вспыхнул и длится до сих пор спор вокруг автор-

ства этого маневра. Но, — добавляет тут Мацкевич, как бы объясняя этот спор, — если Варшавско-Ивангородское сражение было одной лишь из многих операций той войны, Варшавское сражение 1920 г. спасло на 20 лет Польшу, Германию и может быть и всю Европу от коммунистического нашествия. Жаль только, что Пилсудский не оказался более дальновидным, а, наоборот, намеренно не захотел использовать последствий Варшавской победы.

Роман Мацкевича вызвал со стороны известных польских кругов необыкновенно резкую реакцию. Писались уже не только рецензии, но целые статьи и даже «передовицы». К оправданию позиции Пилсудского присоединились и некоторые украинцы, сторонники независимой Украины. Пошли нападки и на русскую эмиграцию, причем приводились примеры ее «содействия» советскому империализму. Апологеты маршала Пилсудского, создавшие по отношению к нему и к его памяти своего рода «культ личности» не могли допустить никаких сомнений ни в его гениальности, ни в его прозорливости с чьей бы то ни было стороны. В марте 1966 г. группа около 50 человек виднейших польских политических деятелей, среди которых бывший маршал сейма (председатель), члены парламента, бывшие министры, военные и т. п. внесли в «Экзекутиву» Польского национального объединения в Лондоне «интерпелляцию», заклеймив произведение Мацкевича: «...автор романа искажает и пачкает историю борьбы польского народа в 1918-20 гг., поносит командиров польских солдат... Бросает тень на патриотизм и мораль польского общества... Роман является вредным с польской политической точки зрения...» и т. д.

Многие, правда, нашли, что вторжение такого рода в право свободоного творчества является как раз, с точки зрения борющейся за свободу мнения эмиграции, настоящим скандалом. «Интерпелляция» была отклонена.

14 мая того же 1966 г. появилось в польской печати «Заявление» Научного института имени И. Пилсудского, подписанное генералами Тарчинским и Скварчинским, последним, до 1939 года, главой партии «правительственного лагеря» в Польше и командующим во время польско-германской войны одной из польских армий. «Заявление» извещало, что «роман Мацкевича искажает историческую правду... Автор излагает взгляд, что цель польско-советской войны 1919-20 гг. должна была состоять в свержении большевизма в содействии с рус-

скими генералами, хотя эти генералы и боролись за «единую и неделимую»...» и тут несколько неожиданный вывод: «Значит Мацкевич пропагандирует идеи великодержаных русских кругов...» и т. д.

— • —

Вся эта полемика не принесла, конечно, ни автору, ни его книге никакого ущерба. Скорее — наоборот, возбудила еще больший интерес и роман стал давно невиданным бестселлером польской эмигрантской литературы. Остается, однако, пожалеть о том, что Мацкевич, очевидно, обошел молчанием мотивы чисто психологического, эмоционального характера, толкнувшие Пилсудского принять решение, которое не имело ничего общего с побуждениями государственной целесообразности, ни с интересами Польши. Мотивы эти настолько явно проистекают из биографии польского маршала, что заслуживают быть здесь приведенными.

Уроженец русской Польши, Пилсудский вынес свою ненависть к России еще с гимназической скамьи (в г. Вильно) 20-летним студентом Пилсудский за косвенное участие в деле о покушении на убийство Императора Александра Третьего был сослан в Сибирь на поселение сроком на 5 лет (главное участие в этом деле принимал брат Ленина Александр Ульянов, за это казненный). По возвращении из ссылки в 1892 г. Пилсудский вступил в революционную организацию «Польская социалистическая партия» (ППС), которая вместе с уклоном к марксизму имела главной целью поднять в Польше народное восстание. Заняв в партии видное место, Пилсудский стал редактором подпольной газеты «Рабочая газета». В 1900 году, живя по подложному паспорту, он был обнаружен полицией, захвачен вместе с женой в тайной типографии и посажен в «Десятый павильон» Варшавской цитадели, где содержались наиболее важные государственные преступники. Варшавские власти решили предать его военному суду по статье, угрожавшей каторжными работами. Но Петербург отменил это решение, ограничив наказание опять ссылкой в Сибирь в административном порядке.

Политические друзья Пилсудского выработали план его освобождения. Но так как бежать из Варшавской крепости не было никакой возможности, было решено добиться его перевода в другое место. Для этого Пилсудский решил симулировать душевную болезнь. Большую помощь оказывал за-

говорщикам один из чинов крепостного штаба некий Седельников, который доставлял заключенному письма «с воли», в том числе и инструкции врача-специалиста относительно способов симуляции.

«Болезнь» Пилсудского заключалась в том, что он впадал в неистовство при виде военного мундира входивших в его камеру лиц, осыпал их бранью, отказывался от приносимой пищи под предлогом, что она отравлена, и питался только вареными яйцами. Через некоторое время видный варшавский врач-психиатр Шабашников добился освидетельствования им Пилсудского и «по доброте» или по соучастию в заговоре признал положение заключенного весьма серьезным и требующим клинического лечения. После 8-месячного заключения в крепости, Варшавские власти отправили Пилсудского в петербургский Николаевский госпиталь для душевно-больных, куда в это же время поступил ординатором доктор Мазуркевич, член ППС. Оттуда Пилсудский без особого труда бежал вместе с Мазуркевичем и со своей женой за границу. Жену его освободили еще раньше на том основании, что «жена не отвечает за деятельность своего мужа».

Вернувшись из-за границы нелегально опять в русскую Польшу, Пилсудский принял участие в создании «боевого отдела» партии и приступил к террористической деятельности. Под флагом «национального освобождения», при безучастии народных масс, «боевой организацией» под руководством Пилсудского были совершены покушения на убийство Варшавского генерал-губернатора генерала Скалона и других лиц высшей администрации, убийства чинов полиции, налеты на казначейства. Сам будущий диктатор Польши принял личное участие в ограблении на 200 тысяч рублей почтового вагона на ст. Безданы, близ Вильно.

Начало японской войны поляки встретили жутким молчанием, по внешности равнодушным, за которым скрывалось недоброжелательство и скрытые надежды на изменение судьбы Польши. Но ППС откликнулась воззванием, полным злобы и ненависти к России и пожеланиями победы японской армии. Попыток к народному восстанию не было, и отдельные террористические акты исходили исключительно от малочисленной ППС, в особенности с 1905 г., когда во главе «боевой организации» стал Пилсудский.

Эта же партия была единственной из всех российских революционных организаций, которая пыталась войти в дого-

ворные отношения с японским штабом. В мае 1904 г. Пилсудский поехал в Токио с предложением сформировать польский легион для японской армии, организовать для японцев службу шпионажа, взрывать мосты в Сибири и т. д. За это от японцев требовалось для польского восстания оружие, снаряжение и деньги. И, кроме того, обязательство — при заключении мира с Россией потребовать предоставления Польше самостоятельности:

Японцы приняли Пилсудского очень любезно, но отказали во всем. Разрешено было только выделить поляков-пленных в особые команды и допустить к ним антирусских пропагандистов. Денег японцы тоже не дали, а только оплатили обратную поездку Пилсудского.

Через несколько часов после объявления войны в 1914 году Пилсудский во главе небольшого отряда из 160 человек поляков-добровольцев перешел русско-австрийскую границу. Позже, из молодых людей, не достигших призывного возраста и из других, через него уже перешагнувших, были сформированы два польских легиона, входивших в состав 1-й австрийской армии генерала Данкля, и Пилсудский был назначен командиром 1-го легиона.

Серьезного военного значения эти легионы не могли, конечно, иметь, но созданная Пилсудским тогда же «Польска организация войскова» по мере своих сил помогала австрогерманцам. Она несла тайную разведывательную службу и совершала партизанские действия в тылу русских армий.

Как видно из этого жизнеописания маршала Пилсудского, связанный всем своим активным сотрудничеством в прошлом с русскими крайне левыми революционными организациями, Пилсудский предпочитал «красную» Россию любой иной, но можно все же удивляться тому, что, будучи, в то же время и горячим польским патриотом, он, ослепленный ненавистью ко всякой другой России, не сумел трезво оценить ту смертельную опасность, которую представлял для Польши воинствующий коммунистический режим в России, не скрывавший своей конечной цели — мировой революции.

Вообще говоря, вся эта «невероятная суматоха», по выражению П. М. К-цкого, поднявшаяся по поводу романа «Лева вольна», дело как будто чисто польское. Но и для нас, участ-

ников Белого движения и для наших единомышленников оно представляет интерес, во-первых, потому, что аргументы, которыми пользовались, и могут еще воспользоваться, полемисты, правильно или неправильно определяют политику вождей Белого движения в смысле ее доброжелательности или же враждебности к польской независимости и, во-вторых, еще и потому, что прием, к которому прибегли тогда руководители польской политики в русском вопросе, чтобы не допустить победы Белого движения, за что теперь расплачивается польский народ, «даже в глубоких сумерках современной политической морали представляет собой явление необычное», как написал в 1937 году генерал Деникин.

Нужно, в первую очередь, расшифровать содержание одной из руководящих идей Белой борьбы, выраженной в формуле «Единая и неделимая», по отношению к двум государстнвенным новообразованиям, возникшим на развалинах Российской империи после революции 1917 года, к Польше и Финляндии. В девизе этом поляки видели будто бы угрозу самому существованию независимого Польского государства (см. выше «Заявление», подписанное генералами Тарчинским и Скварчинским). Относительно этих опасений, как увидим дальше, следовало бы напомнить обоим генералам некоторые факты.

14 мая 1919 г. французский премьер-министр Клемансо, от имени «союзных и примыкающих к ним держав», обратился к Верховному Правителю адмиралу Колчаку с официальным заявлением, в котором ставил одним из прочих условий оказания помощи материальной поддержкой адмиралу Колчаку, и «тем, кто примыкает к нему» признание адмиралом независимости Польши и Финляндии.

Ответ адмирала Колчака, отправленный 4 июня 1919 г., заключавший в себе существенные мотивы многократных заявлений самого адмирала, генералов Деникина и Юденича, взгляды широких слоев русской общественности самых разных политических оттенков, кроме, конечно, «самостийных», так же как и подавляющего большинства командного состава и офицеров белых армий, гласил:

«Признавая, что естественным и справедливым следствием войны (1914-18 гг.) является создание единого польского государства, русское правительство (адмирала Колчака) считает себя вправе подтвердить независимость Польши, объявленную 17 марта 1917 г. Временным правительством России, все распоряжения и обязательства которого мы приняли на себя.

Окончательная санкция определения границы между Россией и Польшей в соответствии с вышеприведенными основаниями должна быть отложена до созыва Учредительного Собрания».

В вопросе о признании независимости Финляндии добавим, что Временное правительство «не успело» до своего падения признать таковую, почему в своем ответе адмирал Колчак, признавая финляндское правительство «де факто», ставил окончательное решение финляндского вопроса в зависимость от санкции опять-таки будущего Учредительного Собрания.

С своей стороны, генерал Деникин (сам по происхождению наполовину поляк, так как мать генерала Деникина, урожденная Вржесинская, полька из гор. Стрельно, в германской Польше, до конца своей жизни в 1916 году, по свидетельству генерала Деникина, плохо говорившая по-русски) написал в своих «Очерках русской смуты»:

«Мое признание независимости Польши было полным и безоговорочным, и я лично относился с полным сочувствием к возрождению Польского государства. До падения Германии (11 ноября 1918 г.), когда Польша еще находилась в австро-германских тисках (территория Польши была в то время еще оккупирована немцами и австрийцами), я формировал в Добровольческой армии польскую бригаду «на правах союзных войск», с самостоятельной организацией и польским командным языком. Часть этой бригады под начальством подполковника Малаховского приняла кратковременное, но видное участие в боях на Ставропольском направлении. Когда в декабре 1918 г. в водах Черного моря появились союзные корабли, французские и английские, я отправил польскую бригаду со всей ее материальной частью на русском пароходе в Одессу, откуда она двинулась на родину, на присоединение к польской армии.

В конце мая 1918 г. в штаб армии приехал из Киева, еще занятого немцами, полковник Зелинский в качестве представителя негласной организации, образовавшейся из состава разгромленных и распущенных немцами польских корпусов русской армии. Впоследствии его полномочия были подтверждены «главным комитетом польских войск на Востоке», подчиненным парижскому польскому «Верховному национальному комитету».

С начала 1919 г. на территории Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) находился уполномоченный этого комитета, признанного Антантой, граф Бем-де Косбан».

Во время Крымского периода Белой борьбы, при сменившем генерала Деникина на посту Главнокомандующего ВСЮР генерале Врангеле в числе других иностранных военных миссий, английской, французской, американской, японской и сербской, была уже и польская миссия. В июле 1920 г., с согласия польского правительства был командирован из Крыма в Варшаву военный представитель генерала Врангеля генерал Махров, в задачу которого, среди других, входило формирование в пределах Польши из остатков отрядов Булак-Балаховича и полковника Пермыкина и из русского населения Польши — 3-ей русской армии (в Крыму были 1-я и 2-я армии), до соединения польского фронта с войсками генерала Врангеля — под общим оперативным руководством польского командования.

В сентябре 1920 г. начальник польской военной миссии в Крыму уведомил генерала Врангеля о том, что польское правительство изъявило свое согласие на формирование в Польше русской армии численностью до 80 тысяч человек, которая должна была быть выдвинута на правый фланг польского Волынского фронта.

«Представители польского правительства в Крыму продолжали заверять меня, — написал генерал Врангель в своих «Воспоминаниях», — об искреннем желании поляков войти в соглашение с нами. Прибывший из Варшавы в Крым в сентябре член польской военной миссии князь В. С. Любомирский заявил, что руководящие польские круги чрезвычайно сочувственно относятся к заключению союза с генералом Врангелем и он, князь Любомирский, был убежден, что союз этот будет заключен в самом ближайшем будущем».

Из сказанного выше можно заключить, что у генерала Врангеля, также как у адмирала Колчака и генерала Деникина, признание полной независимости Польши было самим собой разумеющимся и не требовало с его стороны никаких особенных и специальных деклараций.

Трудно и представить себе какое-нибудь другое, более определенное признание полной самостоятельности Польского государства вождями Белого движения.

Оставался нерешенным один только вопрос об установлении границы между Россией и Польшей. Целым рядом международных договоров, заключенных в 1919 г., была установлена основная западная граница Польши. Что касается восточной ее границы, то с весны 1919 г. союзная комиссия

изучала этот вопрос, решение которого без России представляло непреодолимые трудности. И Верховный союзный совет, эманация Версальской мирной конференции, все откладывал свое решение. Осенью 1919 г. по настоянию Польши Верховный союзный совет определил наконец временную восточную границу, проведя ее примерно по рубежам бывшей русской Польши. Союзные державы считали, что эта линия соответствует заявлению русского Временного правительства от 17 марта 1917 г. об этнографической основе размежевания, тогда как дальнейшее ее расширение на восток ставилось в зависимость от санкции и согласия будущего российского Учредительного Собрания.

Это решение вызвало в Польше взрыв негодования. В польской печати и в Сейме (палата депутатов) раздались в самой резкой форме требования о присоединении к Польше, в той или иной форме, Литвы, большей части Белоруссии, Волыни и Подолии.

Такое одностороннее предрешение Польшей вопроса огромной важности имело против себя политику держав Согласия, и Литвы, и русских противобольшевистских правительств, и, конечно, вооруженное противодействие Красной армии.

Парижское русское политическое совещание (бывшие российские послы, Маклаков — во Франции, Гирс — в Италии, Бахметьев — в США и бывший министр иностранных дел Извольский, под председательством первого председателя Временного правительства кн. Львова) и противобольшевистские правительства в Омске и в Екатеринодаре, все были совершенно единодушны в основах своей польской политики; сохранение временной границы, намеченной Верховным союзным советом, этнографическое начало, как база окончательного разграничения, и — санкция будущего Учредительного Собрания.

Если все они так откладывали установление окончательной русско-польской границы на этнографической базе, совместно польской и будущей русской властью, как это предусматривало решение Верховного союзного совета, то вовсе не потому, что «не признавали» независимости Польши, а просто потому, что невозможно было и вообразить себе принятие такого важного решения в тогдашнем хаосе международной и междоусобной борьбы, при наличии все время меняющихся фронтов и полной невозможности переписи населения, проживающего в приграничной местности, и это убеждение полно-

стью разделяли и союзники.

До лета 1919 г. никакой связи с польским правительством командование В.С.Ю.Р. не имело. Как полковник Зелинский до своего отъезда в Польшу с польской бригадой, сформированной в Добровольческой армии, так и граф Де-Косбан, были при белом командовании представителями только Польского национального комитета, но никакого официального представителя польского правительства на Юге России не было. События и политические настроения в тогдашней Польше были белому командованию мало знакомы, и штаб генерала Деникина настаивал на необходимости скорейшего установления связи с поляками, воздействуя в этом направлении на союзных представителей при генерале Деникине и на графа Бем-де Косбан. В Варшаву был командирован военный представитель ВСЮР полковник Долинский, но от него не получалось никаких известий. Как стало известно потом, полковник Долинский, под предлогом каких-то формальных недочетов в его грамоте, не был даже признан в качестве представителя генерала Деникина и претерпел не мало унижений.

Легко понять, что боевое сотрудничество польской армии и ВСЮР в борьбе с общим врагом грозило советской власти свержением. В этой оценке сходились все три стороны: белые вожди, польские руководители и сами большевики. На таком сотрудничестве настаивали и адмирал Колчак, и генерал Деникин, и в следующем, 1920 году настаивал на нем и генерал Врангель. Настаивали, разумеется, в интересах Белого движения, но также и потому, что были убеждены в том, что судьбы России и Польши находятся в явной и роковой зависимости от долголетия советской власти. Убеждение было, оказывается, пророческим, как это увидели теперь все, и в том числе и польские эмигранты.

Но совершенно неотложная необходимость во взаимодействии польской армии с белыми армиями — в обоюдных интересах — стала особенно очевидной к концу лета 1919 г., когда поляки в своем продвижении на восток достигли линии Двинск (искл.)-Бобруйск-Каменец Подольск, в то время как с востока и с юга, к Каменец-Подольску и к Киеву, опрокидывая советские и петлюровские части, приближались белые войска Киевской (генерала Драгомирова) и Новороссийской (генерала Шиллинга) областей.

Наконец, в сентябре 1919 г. прибыла в Таганрог, тогдашнее местопребывание штаба генерала Деникина, польская во-

енная миссия генерала Карницкого, бывшего генерала русской службы, встреченная с большой торжественностью и сердечностью. На приеме в честь миссии генерал Деникин приветствовал послов Польского государства следующими словами:

«После долгих лет взаимного непонимания и междоусобной распри, после тяжелых потрясений мировой войны и общей разрухи, два братских славянских народа выходят на мировую арену в новых взаимоотношениях, основанных на тождестве государственных интересов и на общности внешних противодействующих сил. Я от души желаю, чтобы пути наши более не расходились.

Подымаю бокал за возрождение Польши и за наш будущий кровный союз!»

Начались переговоры. Генерал Карницкий интересовался больше вопросами будущей восточной границы Польши, а генерал Деникин, указывая на несвоевременность окончательного разрешения этого вопроса, настаивал на согласовании действий польских армий с ВСЮР и на крайнюю необходимость, в обоюдных интересах, немедленного наступления польской восточной армии до линии верхнего Днепра, примерно от Орши до устья р. Припяти, в общем направлении на Мозырь, с установлением в зоне польского наступления русской администрации, подчиненной на время операций польскому командованию на общем основании «Положения о полевом управлении войск».

Такое продвижение не представляло для поляков никаких трудностей и не требовало никаких особенных жертв (во всяком случае стоило бы неизмеримо меньше крови и разорения, чем предпринятый поляками в 1920 году «Киевский поход» и последовавшее за ним вторжение в Польшу большевистских армий), последствия же его могли бы быть решающими, что имело бы следствием и приближение момента разрешения вопроса об установлении окончательной границы между Россией и Польшей.

Генерал Карницкий запрашивал Варшаву, проходили неделя за неделей, а ответа из Варшавы не получалось. Между тем, положение белых войск Киевской области, занявших Киев 30 августа, становилось угрожающим. 12-я красная армия, сплющенная между ними и 6-й польской армией генерала Листовского, оставив против поляков лишь слабый заслон, всеми своими силами обратилась на фронт Киев-Чернигов,

против войск генерала Драгомирова. Польские войска не двигались с места.

Встревоженный прекращением военных действий на польском Волынском фронте, генерал Деникин запросил генерала Карницкого о причинах такого затишья и получил от него заверение, что, по чисто военным соображениям, было заключено трехнедельное перемирие, срок которого уже кончается и военные действия «вероятно» уже возобновились.

Красные армии на Южном фронте, против войск Вооруженных сил Юга России, тем временем все больше и больше усиливались переброской дивизий с польского фронта из 15-й и 16-й красных армий, 12-я армия спокойно дралась с белыми войсками Киевской области, просто повернувшись к полякам своим тылом, и все резервы красного главнокомандования, предназначавшиеся для польского фронта, были также брошены на Южный фронт, против белых армий генерала Деникина. Все эти переброски довели силы большевиков в октябре и ноябре 1919 г. до 160 тысяч бойцов (численность красных войск взята из советских источников) против 94 тысяч войск Вооруженных сил Юга России к началу октября (по данным, приводимым генералом Деникиным, — войска Киевской области 9 т., Добровольческой армии $20^1/_2$ т., Донской армии 50 т. и Кавказской армии $14^1/_2$ т.). Превосходство, решившее в последующих боях участь белых армий Юга России.

В конце сентября и в начале октября военные действия на Волынском участке польско-советского фронта прекратились совсем, а в советской России власти, не обращая внимания на угрозу «белополяков» (почему «бело»?), вдруг выбросили новый лозунг: «Все — на Деникина!».

Именно в этот период, в создавшейся к концу лета 1919 года военно-политической обстановке, Польше предстояло сделать выбор между сторонами... И выбор был сделан.

Осенью 1919 года начальник Польского государства маршал Пилсудский заключил с большевиками **тайное соглашение,** в силу которого большевики обязывались приостановить военные действия на северном участке польско-советского фронта (Двинск-Полоцк), а поляки — не предпринимать наступления для содействия генералу Деникину на фронте Киев-Чернигов.

В Польше, по желанию Пилсудского, на эти темные страницы прошлого до его смерти в 1935 году был наложен запрет. Только после 1935 года ближайшие военные сотрудники покойного маршала генералы Галлер (бывший начальник Ге-

нерального штаба) и Кутшеба (бывший начальник отдела оперативных планов) напечатали свои воспоминания, вскрывающие подробности тогдашней польской военной политики в отношении Белого движения.

История этого соглашения такова:

Видя в комбинированном наступлении польских войск и Вооруженных сил Юга России свою конечную гибель, совет народных комиссаров командировал к Пилсудскому в двадцатых числах сентября 1919 г., во главе отправлявшейся на польский фронт «делегации русского Красного креста», поляка коммуниста, члена Центрального исполнительного комитета, Мархлевского, друга и соучастника Пилсудского по прежней революционной деятельности в России. Мархлевский убедил Пилсудского в общности интересов большевиков и поляков перед лицом «опасности», представляемой Вооруженными силами Юга России, и добился от него приостановки польского наступления, чтобы дать большевикам возможность покончить с белыми войсками генерала Деникина.

Штаб Пилсудского поручил некоему подпоручику Бирнбауму войти в контакт с Мархлевским «для разведки об истинных военных целях советов». Это взаимное «осведомление» продолжалось в течение конца сентября и в октябре, а 3 ноября 1919 г. Пилсудский командировал к Мархлевскому капитана Боернера уже с прямым предложением остановки военных действий.

На самом деле остановка польского наступления на опаснейшем для большевиков направлении, то есть на том, где наступление могло помочь войскам генерала Деникина, на Украине, произошло задолго до 3 ноября, что можно видеть из «вербальной» ноты, переданной Боернером Мархлевскому (см. ниже) и также из официальной советской истории гражданской войны, где сказано кратко и даже несколько загадочно для непосвященных: «Противоречия между деникинцами и белополяками умело использовались советским командованием» (т. 4-й, стр. 219). Затем, уже более конкретно, история говорит: «Борьбу советских войск облегчали противоречия между деникинцами и белополяками. В дни решающих боев на Южном фронте в октябре-ноябре 1919 г. белополяки фактически прекратили активные боевые действия против Красной армии» (стр. 220) и наконец: «На Березине наступление польских войск в сентябре 1919 г. было остановлено. В последующих решающих боях 1919 года белопольская армия

фактически не принимали участия» (стр. 207).

В «вербальной» ноте, обращенной при посредстве Боернера к советам, говорилось ясно:

«Содействие Деникину в его борьбе против большевиков не соответствует польским государственным интересам. Удар на большевиков в направлении на Мозырь несомненно помог бы Деникину и даже мог бы стать решающим моментом его победы. Польша на Полесском фронте имела и имеет достаточно сил, чтобы этот удар осуществить. **Разве мы осуществили его? Разве это обстоятельство не должно было открыть глаза большевикам?»**

Боернер должен был лишь прочесть Мархлевскому ноту Пилсудского, отнюдь не давая в руки большевикам никаких письменных следов соглашения. Факт соглашения приходилось скрывать и от штаба генерала Деникина, куда была послана польская военная миссия для фиктивных переговоров, и от Англии и Франции, оказывавших политическую поддержку и материальную помощь Польше вовсе не в качестве пособницы большевиков. С этой целью маскировки местные столкновения между мелкими частями должны были продолжаться исключительно в целях симуляции, чтобы бездействие сторон не казалось никому слишком подозрительным.

Советское правительство хранило тайну нерушимо... до 1925 года, когда по случаю смерти Мархлевского советская печать поведала, какую великую услугу оказал покойный российскому коммунизму. Но представляется маловероятным, чтобы польская общественность, по крайней мере — «правая», не обратила внимания на странное молчание польских пушек на Киевском направлении. Так или иначе, об этом вопросе тогда не говорили, и польская пресса явно замалчивала его.

В то же самое время в Таганроге, в штабе генерала Деникина, польская миссия вела переговоры с правительством Юга России... А генерал Карницкий, начальник польской военной миссии, бывший генерал русской службы горячо уверял генерала Деникина в том, что и начальник государства (Пилсудский) и глава правительства (Падеревский), напутствуя его «требовали во что бы то ни стало добиться соглашения», считая, что «иначе положение Польши между Германией и Россией грозит чрезвычайными последствиями». Генерал Карницкий горячо уверял генерала Деникина и союзные миссии при Штабе генерала Деникина («я хочу думать, — говорит генерал Деникин, — вполне искренно»), что у Польши нет никакого соглашения с советами.

Подобные же заявления делались в Варшаве обеспокоенным представителям Франции и Англии, в частности — уполномоченному английского правительства Мак-Киндеру и генералу Бриггсу, которые вели в польской столице переговоры о взаимодействии польских армий с войсками генерала Деникина. Генералу Бриггсу Пилсудский, например, объяснял отсутствие такого взаимодействия с русскими противобольшевистскими силами тем, что ему «к сожалению, не с кем разговаривать, так как Колчак и Деникин — реакционеры и империалисты».

В декабре 1919 г., уезжая в Польшу, представитель польского правительства при прощании с генералом Деникиным оправдывался по поводу рокового бездействия польских войск на Волынском фронте тем, что в Варшаве считают, будто бы генерал Деникин не признает даже независимости Польши и, кроме того, не имеет настоящих полномочий, вследствие чего там ждут результатов сношений с адмиралом Колчаком. Генерал Карницкий обещал немедленно по приезде в Варшаву «разъяснить досадное недоразумение»... (Польской миссии было известно о предоставлении Верховным Правителем адмиралом Колчаком генералу Деникину права сношений с Польшей и с другими державами, с территориями которых соприкасались Вооруженные силы Юга России).

Только в конце декабря 1919 г., уже после падения «белого» Киева, оставленного 15 декабря,польские войска возобновили военные действия на севере, а на Волынском фронте генерал Листовский стал без боя занимать города, покидаемые отступавшими к Одессе добровольцами.

Об этой трагедии белых армий генерал Галлер с холодной жестокостью говорит в своих воспоминаниях:

«Слишком быстрая ликвидация Деникина не соответствовала нашим интересам. Мы предпочли бы, чтобы его сопротивление продлилось, чтобы он еще некоторое время связывал советские силы. Я докладывал об этой ситуации Верховному вождю (Пилсудскому). **Конечно, дело шло не о действительной помощи Деникину, а лишь о продлении его агонии».**

Только с этой именно целью была предположена диверсия против советского фронта «после того, как большевики займут Полтаву». Но от этой мысли Пилсудский и Галлер скоро отказались: «Мы пришли к убеждению, — написал Галлер, — что диверсия эта принесла бы нам мало пользы».

Понятно, конечно, почему Пилсудский молчал обо всей этой

истории до конца своей жизни и заставлял молчать других. Когда запрет этот был снят, его соучастники (хочется написать «сообщники») стараются оправдать его и свои деяния.

Какие же мотивы приводят они?

Во второй «вербальной» ноте в начале декабря 1919 г. капитан Боернер передавал советскому правительству:

«В основу политики начальника государства положен факт, что он не желает допустить, чтобы российская реакция восторжествовала в России. Поэтому все в этом отношении, что возможно, он будет делать, хотя бы вопреки пониманию советской власти. Из этого признания советское правительство давно уже должно было сделать соответствующие выводы, тем более, что давно уже реальными фактами начальник государства доказывал, каковы его намерения».

Второй мотив оправдания приводит генерал Кутшеба:

«По сведениям генерала Пилсудского... Деникин отказался признать полную государственную независимость Польши и ее право голоса в вопросе о будущем тех земель, некогда польских, которые по разделам достались России...» и поэтому

«Погром советской армии привел бы к утверждению правления Деникина и, в результате, к непризнанию интегральной самостоятельности Польши».

«Такое оправдание, — написал генерал Деникин в 1937 году, — при наличии архивов, «белых», английских, французских, еще при жизни десятков союзных деятелей, бывших посредниками в сношениях между Таганрогом и Варшавой, такое «оправдание» расчитано, очевидно, только на полную неосведомленность читателей». Что же касается отношения генерала Деникина к польской независимости, по причинам не только формальным, но и идейным, оно было уже достаточно освещено выше.

Наконец, третий мотив: вопрос о восточной границе Польши.

Как написал в 1937 году генерал Деникин, — вопрос этот силою вещей не мог получить в те поры своего окончательного разрешения. Генерал Деникин настаивал на сохранении временной границы, (определенной Верховным союзным советом) впредь до разрешения судеб приграничных земель совместно польской и будущей общероссийской властью на этнографической базе. Какое же иное решение этого вопроса могло быть более справедливым и реально выполнимым в тогдашних условиях при отсутствии общепризнанной всероссийской власти?

Но и этот мотив, как оказывается, был только фикцией. Вопрос о русско-польской границе не играл роли, так как маршал Пилсудский задавался иными планами, более грандиозными. По свидетельству генерала Кутшебы, маршал стремился к «новой организации восточной Европы» путем полного раздела России и сведения ее территории в **«границы, населенные только коренным русским населением...»**.

Еще задолго до вступления в сношения с генералом Деникиным Пилсудский подготовлял «союз» с Петлюрой, союз, который, по словам польского историка Станислава Кутшебы, имел целью отделение Польши от России не русско-польской границей, а буфером, в виде «враждебного России и тяготеющего к Польше (вассального) государства — Украины, страны плодородной, богатой углем и заграждающей России пути к Черному морю».

Пилсудский полагал, что «только путем реституции Украины поляки могут обеспечить себя с «востока» и что только в том случае **«Деникин стал бы нашим союзником, если бы он не противился политическим тенденциям отрыва от России инородных элементов»** и, в частности, **«признал бы украинское движение»**.

«Пособников в разделе России среди вождей Белого движения не нашлось, — написал генерал Деникин после опубликования воспоминаний бывших сотрудников маршала Пилсудского. И потому в польской главной квартире было решено:

«Так как официальное строительство Украины (как враждебного России самостоятельного государства) **выявило бы наше враждебное отношение к Деникину, что для нас невыгодно,** — то планы эти надлежало скрывать и от Деникина и от Антанты и к выполнению их — **можно приступить только после падения Деникина»**.

Так гласила инструкция, данная Пилсудским генералу Листовскому, командующему польским Волынским фронтом.

Но «отторжение» Украины от России в 1920 году казалось однако совершенно непосильным для польской армии даже при пораженческом советском правительстве и при разбитых наголову красных армий Тухачевского. Поэтому так легко, по Рижскому мирному договору между Польшей и большевиками, и Петлюра и Украина были брошены на произвол судьбы.

Но вот генерал Кутшеба задает в своих воспоминаниях во-

прос: «Верно ли, что Польша предала украинцев?» И сам отвечает:

«Если бы не польско-украинская кровь, пролитая во имя этого дела, если бы не политическая программа (Пилсудского) **1920 года, быть может не существовала бы сегодня Украина как самостоятельная республика».**

«С чувством удивления... и стыда за автора читаешь эти строки, — говорит генерал Деникин. — Во-первых, как известно, первоначальная инициатива признания Украины как самостоятельного государства исходила не от Польши, а от немцев и, во-вторых,... не дай Бог, генерал Кутшеба, чтобы ваша родина стала когда-нибудь такой же «самостоятельной» республикой, как советская Украина!»

Это искреннее пожелание генерала Деникина исполнилось только наполовину. Если Польша не стала точно такой же «самостоятельной» республикой, как советская Украина, то лишь потому, что это оказалось, по тем или иным причинам, невыгодным советской власти в России.

«Таким образом, — продолжает генерал Деникин, — в свете исторической правды «борьба против российской реакции», «высокая историческая задача освобождения украинского народа», «непризнание Деникиным государственной самостоятельности Польши», и другие такие же мотивы, все это оказалось лишь неудачной маскировкой безграничного национального эгоизма. Вопрос в те дни сводился исключительно к разрешению страшной по своей простоте дилеммы: **содействовать ли национальному возрождению России или же способствовать коммунистическому порабощению России и ее разделу».**

—⸱—

Большевизм победил. Результаты этой победы не только для России, но и для всего мира, известны. В своих «Очерках русской смуты» генерал Деникин заканчивает главу о взаимоотношениях вождей Белого движения с возрожденной Польшей, говоря:

«С русской национальной точки зрения политика маршала Пилсудского не может не вызвать глубокого возмущения. Но, может быть, мы не правы и слишком пристрастны, может быть русскую политику маршала Пилсудского не следует рассматривать иначе как с точки зрения вреда или пользы от нее для польского народа, отбросив все другие соображения, в том числе и моральные?

Пусть так...

Но на этот последний вопрос история дала уже свой ответ: через полгода большевистские рати, внося разорение и ужас, подходили к стенам Варшавы и Львова, поставив на край гибели возрождавшуюся польскую государственность. Завершила ли этим бедствием историческая Немезида суд свой над деяниями вождей неповинного народа или это был лишь гром перед грозою?»

В 1926 году, когда генерал Деникин писал это, он не мог еще знать ответа на задаваемый им вопрос, как не знал он и будущего, когда в 1937 году, после выхода в свет воспоминаний Галлера и Кутшебы, написал:

«И не раз еще, быть может, неповинному польскому народу придется горько пожалеть о том, что в 1919 году вожди его предали «белую» Россию».

Теперь мы знаем, что испытания польского народа не окончились с польско-советской войной 1919-20 гг., которая действительно была только «громом перед грозою». С тех пор польскому народу пришлось испытать ужасы войны 1939 года, увидеть новый раздел Польши между СССР и гитлеровской Германией, пережить трагедию Катыни и подавление в августе 1944 года восстания Бор-Коморовского, в то время как советские армии безучастно взирали на это с другого берега Вислы, и все это для того, чтобы после 1945 года оказаться в вассальной зависимости от наследников былых партийных товарищей маршала Пилсудского, правящих теперь Советским Союзом.

И если сейчас мы возвращаемся к этой теме, то не только потому, что все рассказанное выше является частью истории Белого движения, но еще и для того, чтобы все те, кто сегодня горячо сочувствует польскому народу в его борьбе с навязанным Польше коммунистическим режимом, знали — кому и чьей политике поддержки большевиков в трагические для национальной России дни поляки обязаны всеми испытаниями, выпавшими на долю их родины, так же как и своим сегодняшним днем.

К. Перепеловский.

Использованные материалы

П. М. К-цкий «Скандал вокруг польского «бестселлера» газета «Русская мысль» №№ 2486 и 2487, Париж. 1966 г.
Генерал Врангель «Записки» «Белое Дело» т. 6-й.
Генерал Деникин «Очерки русской смуты» тт. 3-й, 4-й и 5-й.
Генерал Деникин «Кто спас советскую власть от гибели» Париж. 1937 г.
Генерал Деникин «Путь русского офицера» Нью-Йорк. 1953 г.
История гражданской войны, т. 4-й, Москва 1959 г.

ПАЛОМНИЧЕСТВО в ИЕРУСАЛИМ
с
КАДЕТАМИ ДОНСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА
В декабре 1920 г.

Каждому православному христианину желательно побывать в Св. Земле, там, где Божественный наш Учитель жил, ходил и учил.

Мы, русские, чаще других приводили в исполнение это желание. И раньше, до войны и революции, каждый год прибывали в Св. Землю все новые и новые десятки тысяч русских паломников. Война и революция создали неодолимые препятствия к такого рода передвижениям и некоторое время, с 1914 года, новых русских паломников в Палестине уже не видно.

Гражданская война, со всеми ее неожиданностями, многим готовила пути, о которых раньше никак нельзя было даже предполагать.

Когда из Новороссийска принесли меня больного на носилках на пароход «Саратов», в Египет, на этом же пароходе был привезен Донской имени Императора Александра III, Кадетский корпус. Законоучитель корпуса о. Иоанн Артинский скончался там, в Египте, и я приглашен был заменить его в корпусе.

Египет — страна солнца, там прекрасная природа. Мне удалось многое видеть там, но ценнее всего для меня то, что Египет открыл мне возможность повидать другую страну — Палестину. А как мечтали о Палестине мои ученики кадеты!

К нам часто в лагерь ездили и присутствовали за богослужением Измаильские греки. С ними я свел знакомство и председателю греческой колонии, г. Метаксу, решил поведать о нашем желании побывать в Иерусалиме, хотя бы с хором певчих кадет, которыми он восторгался и которых он любил. Совершенно неожиданно для меня, г. Метакса дал мне 40 фунтов стерлингов — сумму, которой достаточно было оплатить стоимость билетов для 40 кадет только в один конец. От этого доброго грека возвращался я в лагерь с радостным чувством. Я больше всего радовался за своих учеников, которые под управлением прекрасного регента церковного хора хорунжего Верушкина (Уральского войска) трудились добросовестно и достигли в пении прекрасных результатов, а потому заслуживали всяких поощрений.

Во имя исключительного случая я решил везти весь хор. Я надеялся, что в Иерусалиме мне легче будет найти средства на обратный путь, тем более, что с собою я вез прекрасный хор, силами которого можно будет дать духовный концерт и от того иметь потребную сумму на обратный путь.

Формальности по поездке удалось быстро выполнить через нашего коменданта лагеря, английского священника мистера Крейга, который и сам изъявил желание с нами поехать в Иерусалим. Решено было выехать на первый день Рождества Христова вечером.

Радостное возбуждение кадет к этому дню достигло необычайных размеров. Взяли билеты, сели в поезд и, через час пути, на станции Кантара, перешли пешком по раздвижному мосту Суэцкий канал и сели в вагоны, направляющиеся в Палестину.

После пересадки в Бидде, около шести часов вечера, мы приехали в Иерусалим.

Радушная встреча добрых людей. Нас в Иерусалиме встречали и представители нашей русской Миссии и православные греки от Патриархии и православные арабы.

Англичане, будучи уведомлены о нашем приезде мистером Крейгом выслали два автомобиля, на которых мы и направились на Елеонскую гору, в русский женский монастырь. Здесь мы должны были разместиться и иметь пребывание.

При беглом взгляде, который получается у путешественников, прибывающих в Иерусалим в первый раз, Иерусалим — типичный восточный город, с белыми зданиями, плоскими крышами и узкими улицами.

Над этой белой картиной возвышаются храмы, колокольни и минареты.

Вы сразу замечаете, что этот город прорезан долинами и возвышающимися холмами.

С юга — Сион, на западе — Голгофа, вот северный холм, около которого гробницы Царей и на востоке — Гора Мужей Галилейских и Елеон.

Из храмов возвышается греческий храм на Сионе, мечеть Омара (на месте бывшего храма Соломона), Русская духовная миссия и храм, с высокой колокольней, на горе Елеонской.

Там нас ожидали благочестивые русские монахини у врат своей обители, с иконою Вознесения Христова, благоговейным пением тропаря празднику и могучим колокольным звоном. Это внимание, проникнутое глубокой любовью к уча-

щимся детям вдали от Родины, до слез тронуло всех присутствующих. Под звуки стройного монастырского пения мы вступили в ворота обители и прошли в храм отслужить благодарственный молебен. Сестры монастыря, во главе с настоятельницей матушкой Екатериной, накормили нас, обласкали детей по-русски и создали для нас совершенно русский уют.

Разместились все в бывшей художественной мастерской. С момента войны, в монастырь уже не поступает заказов из России. Мастерская опустела, а сестры заняты тяжелой физической работой.

Утром следующего дня, после богослужения, предстояло нам получить благословение Патриарха Иерусалимского и всея Палестины, блаженнейшего Дамиана — на обозрение святынь

Утром следующег дня, после богослужения, предстояло нам Иерусалима. Так традиционно делами все русские богомольцы и ранее посещавшие Святые Места. Вот как об этом утре пишет кадет:

«Сегодня предстоит первое знакомство с городом и его памятниками. Главное, куда мы сегодня направляемся, это — Гроб Господень.

Дорога трудная, особенно для нас — степняков. То с горы, то на гору. Идем по крестному пути Спасителя. С боков огромные, каменные древние стены. Они давят и гнетут меня и рядом с ними я чувствую себя ничтожеством, песчинкой. Останавливаемся пред аркой: «Се, Человек!» Закрываю глаза и вижу, как наяву, кроткое всепрощающее лицо Христа, стоящего пред ослепленной чернью и дышащими злобой фарисеями... Я чувствовал, что бледнею»...

Патриарх был предупрежден о нашем посещении. Нас провели в патриарший зал, где скоро показался Патриарх, и кадеты стройно запели «входную Достойно», а затем «ис полла эти дэспота». Его Блаженство обратился к нам с прочувственным словом на русском языке и благословил каждого крестиком, а в дар корпусной Церкви дал икону со вложением частицы камня от Гроба Господня.

Не ускользнуло от наблюдательного взгляда детей то обстоятельство, что на самом почетном месте, в Патриаршей Зале, во всю стену стоит громадный портрет покойного Государя Императора Николая Александровича. Они догадывались своим детским чутьем, каким значением и почетом недавно пользовалась здесь Россия

От Патриарха пошли ко Гробу Господню. Здесь нас встре-

тило братским приветствием греческое духовенство в облачении, с зажженными светильниками и чтением Евангелия о явлениях Воскресшего Господа.

О Гробе Господнем лица небывшие в Иерусалиме имеют очень неопределенное представление. Одним это место кажется каким-то подземельем, другие хотят видеть пещеру в цветущем саду Иосифа Аримафейского, третьи — Гроб Господень представляют в виде усыпальниц, устраиваемых при кафедральных соборах для епархиальных архиереев и проч. В действительности же это, — в настоящее время, — большой круглый храм, в котором посредине стоит кувуклия, по нашему часовня. Это и есть место, в котором находится Гроб Господень. При входе в эту часовню вы попадаете сначала в притвор, который называется Придел Ангела и посредине которого находится камень, про который сказано в Евангелии, что он отвален был от Гроба.

Дальше вы входите в ту именно пещеру, которая была высечена в скале и в которую было положено Тело Иисусово. Здесь, направо от входа имеется каменное надгробие, покрытое мрамором, над ним икона Воскресения Христова и масса драгоценных лампад — дар и усердные приношения отдельных лиц и целых народов.

Вышина этой пещеры не больше роста высокого человека и вряд ли там могут поместиться больше трех человек.

Если выйти из этой кувуклии, пред вами прямо Голгофа, она тут же, в общем храме.

Под Голгофой прекрасный греческий патриарший храм Воскресения Христова, а на Голгофе тоже храм, и под открытым (без облачения) престолом три отверстия, трех крестов — Спасителя и двух разбойников.

При самом входе в общий большой Храм — место где, по снятии Тела Христова со Креста, помазали Его благовониями и обвили пеленами. А вот обозначено место, где стоял Воскресший Христос, которого Мария Магдалина приняла за садовника и изливала пред Ним свою скорбную душу: «взяша Господа моего и не вем, где положиша Его».

Но вернемся к описанию Гроба Господня самими кадетами.

«А вот и Храм Гроба Господня. Мы входим на церковный двор. Нервно сдергиваю фуражку. Волнуясь, осторожно, еле касаясь каменного пола, как какого-то драгоценного ковра, я вхожу в храм. — Вот сюда было положено Тело Господа, после снятия со Креста, — шепчет священник. Я опускаюсь

на колени и благоговейно прикасаюсь к холодной каменной плите. Иду дальше. На мгновение мой взгляд останавливается на множестве лампад, и я вхожу в первую полутемную комнату, ведущую ко Гробу. Меня охватывает лихорадочная дрожь. Сердце бьется быстро, быстро. Молюсь о чем попало, лишь бы о чем-нибудь молиться у этой святыни. От наплыва мыслей в голове туман. Ничего почти не сознавая, я вхожу за другими в следующую комнату и падаю на колени.

Чувство благодарности за то, что Он дал мне возможность созерцать это Святое Святых, чувство благоговейного страха и еще какие-то чувства заполняют мою душу, заставляют трепетать мое сердце — и наконец я даже не могу отдать себе отчета, что со мною. Я не молюсь. У меня нет никаких мыслей, но я чувствую, что это состояние выше всякой молитвы... Выхожу... Дышется легко и радостно. Хочется сделать что-нибудь хорошее»...

Другой пишет: «Идем осматривать Святые Места. Идем по тесным улицам, и ухо приятно слышит: «Карашо, как живешь?», так нас приветствует почти каждый встречный араб.

Входим в храм Гроба Господня. Стою в передней маленькой комнатке, пред Гробом Господним, где сидел Ангел, возвестивший женам мироносицам о Воскресении Христа. Чувствую ,как у меня теряется нить мыслей, все путается в голове.

Согнувшись, чтобы не удариться о низкую притолоку, вхожу и сейчас же становлюсь на колени пред святым камнем. Не знаю, о чем молиться, но ощущаю вдруг непонятную тяжесть в груди. Глаза уже полны слез, и я сам, не зная отчего, начинаю рыдать. Слышу, как батюшка, нагнувшись к нам, говорит: «За Россию, за бедную Россию молитесь!» Бессвязно бормочу что-то, быстро крещусь и выхожу. Стало светло и хорошо.

Вечером мы снова на Елеоне. Часов в одиннадцать выхожу на воздух. Тихо в монастырском саду. Одна за другой показались звезды. Спит священный город»...

К этим глубоким юношеским впечатлениям едва ли нужно что-нибудь добавить. Я могу только свидетельствовать, что, находясь в пещере, у самого Гроба Господня, во все время, когда прикладывались и молились там кадеты, я чувствовал всю силу детской искренней молитвы и я уверен, что эту молитву они не забудут до самой смерти.

Между Иерусалимскими стенами и Елеоном находится Гефсиманский Сад. По виду, сейчас, это просто долина, зарос-

шая масличными деревьями и прочими растениями палестинской культуры. В данное время весь этот сад разбит на самые маленькие участки, находящиеся в собственном владении отдельных лиц различных христианских вероисповеданий, — по преимуществу католиков. Тотчас по выходе из стен города Гефсимании — место, где было погребено тело Божией Матери. Там же неподалеку указывают и место мученической кончины первомученика архидиакона Стефана. Наши русские владения в Гефсиманском саду очень ценны и достаточно пространны. Мы имеем там большое место и храм во имя Марии Магдалины, где и покоятся сейчас останки умученной великой княгини Елизаветы Феодоровны с инокиней Варварой, вывезенные сюда из Алапаевска.

И в Гефсимании и в нашем Марии Магдалининском храме мы молились всякий раз, как шли с Елеона в Иерусалим и обратно. Но все участники поездки никогда не забудут ночи, проведенной на Голгофе и у Гроба Господня с 31-го декабря на 1-ое января 1921 года.

Обычай по ночам бодрствовать у Иерусалимских святынь, особенно под большие праздники, наблюдается у всех христиан. В канун Нового Года мы и пришли на Голгофу около 6 часов вечера.

Сделав более подробное обозрение храма еще раз, мы остановились на Голгофе. Прочитали правило с акафистами Кресту, Пресвятой Богородице и Иоанну Богослову, при общем пении всех русских богомольцев, собравшихся в эту ночь на Голгофе с нами помолиться. Не быв там, трудно себе представить, насколько трогательно оставаться ночью на этих святых местах. Там, где стоял Крест Христов, где пролилась Его Божественная Кровь стоять было приятно и жутко. Туда приходили при нас разные люди и с разными, очевидно, думами и надеждами. Каждый по своему открывал своему Спасителю душу и изливал свои скорби. При нас прошли десятки, сотни верующих христиан, приехавшие сюда из разных стран. Рядом с собою я заметил молящимся старого католического монаха доминиканца, тут же распростертым молился копт. На ряду с стильной фигурой какого-то, по виду, английского туриста, чернокожее семейство африканского бедуина или араба приникло к священному полу.

Впоследствии, когда вспоминал я эти минуты, мне казалось, что все академические группировки о соединении Церквей, все конференции по этому вопросу, а также все много-

численные учреждения, расходующие миллионы денежных знаков на это дело, не в силах с большей убедительностью, чем молитва у Святых Мест свидетельствовать о том, что в существе христианства больше силы объединяющей, нежели силы разъединяющей. Здесь на смену доктрин богословских выступает действительная вера и любовь к Богу, любовь всепрощающая, успокаивающая и объединяющая.

В 11 ч. ночи, внизу под Голгофой, в греческом храме Воскресения началась утреня. Торжественная встреча Патриарха, и в 12 ч. ночи духовенство, во главе с Патриархом, в облачениях последовало ко Гробу Господню. Началась литургия. С патриархом в сослужении были два архимандрита, я и арабский священник-паломник из за-Иорданской страны. Три диакона — греческий, русский и араб. Ектении и возгласы чередовались по-гречески, по-славянски и арабски. Малый вход совершается торжественно в преднесении креста и светильников, а патриарха сопровождают кавасы, которые своими посохами постукивают об пол и издают этими посохами какой-то особый перезвон. Во время малого входа патриарх благословил меня идти с частицею (кисть руки) мощей свят. Василия Великого (по случаю дня памяти его прославления), а за великим выходом — с большею частицею Честного Креста Господня. Святые Дары полагаются после Херувимской песни на Гробе Господнем.

Певчими, с благословения Патриарха, были наши русские кадеты. Все исполнение было благоговейно и в музыкальном отношении очень талантливо. По случаю новогоднего богослужения собралось много иностранцев. Громадный храм пред Кувуклией был полон молящихся.

Сам Патриарх пришел в умиление от пения наших кадет, особенно при пении «Отче нашъ». Эта молитва была пропета кадетами по-гречески. Греческие слова были положены на русскую музыку; а когда прозвучал сольный дискант кадета Голубинцева: «тон артон имон тон эпиусион»... («хлеб наш насущный даждь нам днесь»...) у Патриарха навернулись слезы. Произвел большое впечатление провозглашением Апостола кадет Иван Попов. Этот юноша в 19 лет имел приятный и сильный бас. Многие им серьезно заинтересовались и видимо было сколько биноклей и лорнетов рассматривали эту русскую диковинку, которая могучей своей фигурой свидетельствовала, что богатыри на русской Земле еще не перевелись. Этого Ваню Попова и малышей исполлатчиков после Литургии Пат-

риарх угощал кофе и тортом и милостиво с ними беседовал.

В один из ближайших дней нам предстояло посетить Вифлеем (по-еврейски Бетлеем — дом хлеба). Этот город расположен к югу от Иерусалима, верстах в 14-15. Дорога туда идет по хорошему шоссе, по которому теперь непрестанно снуют автомобили. Ближайшие окрестности и вся природа здесь какая-то белая и сам Вифлеем белый, белый город. На Вифлеемских жителях лежит тоже печать какой-то белизны и благородства. Они сами белые, и у них белые костюмы, вы видите там и белый перламутр, из которого местные жители искусно выделывают крестики, иконки и всевозможные памятки о Вифлееме. Главная святыня Вифлеема, конечно, Ясли. Вся пещера и ясли находятся теперь в большом храме, который почитается всеми христианами. Там горит бесчисленное количество лампад. Ясли эти каменные и часть их увезена куда-то давно.

На праздник Рождества Христова здесь бывает торжественное богослужение. Приезжает из Иерусалима Патриарх, а из за-Иорданской страны приходят караваны поклонников в воспоминанье тех волхвов, которые пришли поклониться новорожденному Младенцу Христу. В этом же городе и его окрестностях совершено было, как всем известно, злое Иродово дело — избиение младенцев.

Кроме Яслей в Вифлееме и его окрестностях имеется много пещер, где спасались святые Божии угодники.

В часы нашего пребывания в Вифлееме, около полудня на хорошей арабской лошади прискакал к нам гонец из соседнего города Бед-Жала и передал нам приглашение от местных жителей зайти к ним в город. Там до революции была устроена русская женская учительская семинария для нужд местного арабского населения. Благодарные жители и просили нас у них отобедать. Мы простились с любезным настоятелем греческого Вифлеемского храма и, через час пешего пути, уже шли по узким и таким же белым, как в Вифлееме, улицам Бед Жалы. Дорога шла в гору к соборному храму. Там виден был сад, а в нем трехэтажное здание русского казенного образца — это и есть учительская семинария. Жители, исключительно православные арабы, из окон и балконов приветствовали нас и забросали нас цветами. Но что нас удивило так это, что у Собора собралась толпа арабов и старый араб-протоиерей приветствовал нас речью, проникнутой участием к нашему общерусскому горю. В храме совершили молебное

пение и все направились в здание Учительской Семинарии трапезовать. В то время это учебное заведение, за отсутствием русской помощи, уже не функционировало. В каникулярное время к ней собирались ее бывшие ученицы-арабки, состоящие уже теперь учительницами в селениях Палестины и Сирии. Вот эти арабские учительницы, узнав о нашем приезде в Св. Землю, и решили принять нас в их бывшем училище и угостить обедом. Арабки, никогда не бывшие в России, прекрасно владели русским языком, в их движениях было много того, что напомнило нам наших русских епархиалок. Они знают русскую литературу и полюбили все русское. Усаживая нас к столу, они говорили, что угостят нас русским обедом и предложат нам чай из настоящих самоваров. Тут за обедом как бы в разъяснение того внимания которое было оказано нам, мы услышали речь представителя арабской общественности этого города. Я до сих пор думаю, что эта речь сильнее и искреннее высокого приветствия. В ней говорилось, что испытания, ниспосланные России отзываются в сердцах православного населения Бед Жалы, что русский народ, в лице Палестинского Общества, принес немало жертв для поддержания Православия в Св. Земле, что они это помнят, что всегда останутся благодарными за помощь и надеятся на милость Божию и водворение в дорогой им России мира и благоденствия.

После этой речи англичанин Крейг, следовавший всюду за нами, с каким-то особенным ударением и с откровенностью не всегда обычной для англичанина, заметил: «да, я вижу теперь, как много Россия сделала здесь на православном востоке и сделала совершенно бескорыстно». Это замечание, может быть, и есть та справедливая оценка русскому доброму делу, которое бесшумно делалось Российскою Церковью и Ее миссией на православном востоке.

Сроки нашего пребывания в Иерусалиме кончились. Нужно было возвращаться «к себе» в Египет. Средства на обратный путь нам удалось, как я и полагал, собрать устройством духовного концерта. Накануне отъезда мы простились с гостеприимным Елеоном, поклонились Гробу Господню и заночевали на нашей миссии, куда вечером собралась вся русская колония Иерусалима, чтобы с нами проститься. Поезд из Иерусалима уходил рано утром. В 4 ч. утра мы шли уже походным порядком к вокзалу, многие нас провожали. Неожиданно раздался могучий звон колоколов с Елеона, послышался

родной звон и со стороны Горнего. Это провожает русских детей Иерусалим и напутствует их в тяжелый жизненный путь.

Благодарение Богу, сподобившему нас побывать там, где жил и учил наш Божественный Учитель.

Спасибо доброму греку Метаксасу, спасибо и тем, кто провожал нас из Иерусалима русским колокольным звоном. Он звучит и поныне не только в моем сердце, но и в сердцах тех, кто был тогда со мною. **Протоиерей Д. Троицкий,**

б. Законоучитель и настоятель Церкви
Донского Кадетского Корпуса.
Париж, октябрь 1928 г.

Москва, как много в этом слове...

Давным давно, в середине двадцатых годов, белая русская эмиграция только-только начала распаковывать свои чемоданы, теряя надежду на скорое возвращение, известный писатель, бывший донской атаман, впоследствии трагически окончивший жизнь на московской виселице, будучи выданным англичанами на основании преступного ялтинского соглашения, генерал П. Н. Краснов выпустил новую книгу — «За Чертополохом». Вот ее краткое содержание. Измученный советскими порядками, изголодавшийся и обезумевший от страха русский народ массами бросился на западные границы, где и был скошен пулеметами самообороняющейся Европы. Горы трупов никто не хоронил и очень скоро Россия оказалась отделенной непроходимыми зарослями гигантского чертополоха, простиравшимися на несколько километров вглубь. Проникновение в заросли было запрещено, граница охранялась, а вместо названия страны на картах печаталось слово «Чума». Россия на многие десятилетия была забыта.

Дальнейшее несколько наивно и на мой взгляд сусально. Группа смельчаков пробилась через заросли и оказалась на Святой Руси в новом издании, где правил Царь на базе любви и доверия народа, где звучал колокольный звон, не было угнетателей и угнетенных, господствовала справедливость и всеобщее благоденствие. Даже язык русский оздоровел, освободившись от чужого влияния и приблизившись к «предельной ясности», за которую ратовал Сологдин в «Круге Первом» Солженицына. В техническом же отношении Россия далеко опередила запад. Вывод напрашивался сам-собой и был он вполне схож со старой славянофильской идеей: все

зло идет к нам из Европы, а если бы Русь могла отмежеваться от западных пагубных идей, то и расцвела бы «яко крин сельный».

Книга давно забыта, но выражение «за чертополохом» и по сей день живо в памяти старых эмигрантов, как комплекс неведомого о жизни русского народа в герметически изолированной стране. Лишь в самом конце сороковых годов Черчилль дал новое название тому же явлению — «железный занавес», которое воспринял весь мир, а не только русская эмиграция.

Как это ни парадоксально, но «железный занавес» оказался значительно слабее эфемерного «чертополоха». В двадцатых и тридцатых годах свободный мир знал много меньше о положении в России, чем начиная с сороковых, когда хлынула в Европу «вторая волна», начался «культурный обмен», советская власть решила добывать ценную валюту эксплуатируя туристов, а потом и приоткрыла шлюз для «третьей волны», т. е. для типично советской эмиграции. Теперь о Советском Союзе мир знает все, кроме сверх-секретных тайн Кремля.

Иначе обстояло дело в период «чертополоха». Ни в Россию, ни из России никого не пускали, кроме исключительно доверенных лиц. Сведения приходили редко и отрывочно. Пожалуй первой достаточно полной информацией о жизни в России была книга «Три Столицы» В. В. Шульгина. Очень известный политический деятель последних лет Империи, член крайне правой фракции Думы, безвозвратно запятнавший свою репутацию предъявлением Государю требования об отречении от престола в семнадцатом году, Шульгин, попав в эмиграцию, жил в тревоге о судьбе своего сына, пропавшего в буре гражданской войны. Это побудило его «нелегально» пробраться в Россию и искать сына в Киеве, Москве и Петербурге. Вернувшись, Шульгин издал свою книгу с коротким заключением: все как было, только хуже. Книга читалась с интересом, но очень скоро разразился скандал — советы сообщили, что поездка была «нелегальной» только для автора, что была она организована всесильным ГПУ, которое и показало Шульгину только то, что хотело. После такого позора Шульгин замолк, замкнулся в себе и тихо доживал свой век в Земуне. Думается, что по этой же причине он не последовал за теми соотечественниками, что предпочли бежать в Германию от наступавших советских войск, дождался их прихода, побывал на одном из островов ГУЛАГА и

кончил свою печальную жизнь, подпевая, вероятно с отвращением, хулителям прошлого России.

В последующие годы связь эмиграции с родиной не прекращалась, но стала сугубо секретной. Проникали в Россию чины Белой Армии, из которых наиболее известна группа Захарченко-Шульц, потом в эту работу влились члены Национального Союза Нового Поколения, но и те, и другие ничего не могли публиковать, в силу конспиративности их действий.

Тогда же начали появляться и перебежчики, главным образом из состава дипломатических и торговых представительств Советского Союза, Беседовский, Агабеков и другие. Много и остро писал Троцкий. Но все они говорили о политике и почти ничего о жизни, как таковой, о судьбах, надеждах и чаяниях народа. Таким образом первой всесторонней и достаточно полной информацией о жизни России явились для эмиграции книги, доклады и газета, которую начали издавать братья Солоневичи, с неимоверными трудностями бежавшие из концлагеря и добравшиеся до Финляндии. От них первых узнали мы о ГУЛАГЕ, о сталинщине, о муках народа, на которых строился «социализм». В те дни далеко не все поверили этому свидетельству, появилась даже ходячая фраза «врет, как Солоневич», но последующие годы, и особенно книги Солженицына, полностью подтвердили их правоту.

Немудрено, что при таком положении все мы были полны интереса к тому, что происходит на российских просторах, при чем у старшего поколения это имело большой привкус ностальгии, а у нас — младших, скорее с прагматическим оттенком: что встретит нас на воскресшей родине? Но и у них, и у нас, всякая весточка из России расценировалась как откровение, а всякий даже пустячный сувенир — как драгоценность.

Как вздрогнул мозг, как сердце сжалось,
Весь день без слов, вся ночь без сна:
Сегодня в руки мне попалась
Коробка спичек Лапшина,

писал Агнивцев, и это отнюдь не было поэтическим преувеличением.

Потом пришла война и эмиграция встретилась лицом к лицу с живой Россией. Многим пришлось побывать на оккупированных территориях в составе воинских частей или будучи посланными туда для политической работы, остальные слились в общую массу со «второй волной», которая по началу

была молчаливой, в силу советского опыта, но позднее, поверив в свою безопасность, полностью осветила русскую действительность в статьях и книгах таких больших журналистов и писателей, как Сергеев, Коряков, Филиппов, Максимов, Юрасов, Ржевский и другие.

Кончилась война, прошли репатриации, и советская улитка вновь скрылась в свою скорлупу. На смену «чертополоху» пришел «железный занавес», т. е. всякий обмен информацией снова прекратился на доброе десятилетие. Лишь окончание «культа личности» по смерти Сталина и воцарение «волюнтариста» Хрущева внесло существенное изменение, которое действует и по сегодня, еще усилившись при Ильиче 2-ом. В последние годы мир просто завален сведениями о Советском Союзе, привозимыми «третьей волной», при чем отдельные ее представители даже строят свое материальное благополучие на продаже оптом и в розницу виденного, услышенного и надуманного.

По началу все это читалось и воспринималось с жадностью. Мы до мелочей узнали все стороны советского быта, начиная со школ и университетов, включая условия труда и взаимоотношений, снабжение населения всем необходимым, социализированную медицину, воинскую службу, положение женщин в повседневности и на работе, отношение к религии и многое другое. Все, кто писали на эти темы, старались быть по возможности объективными, но уже сам факт их ухода в эмиграцию показывал, что принадлежат они к категории недовольных, чем-то ущемленных. Третья волна в огромном большинстве представлена евреями, если не по духу, то по крови. Существование антисемитизма в Советском Союзе ни кем не оспаривается, т. ч. принадлежность к еврейскому народу сама по себе является достаточным поводом для исхода, веским основанием, чтобы быть «против», чтобы подсознательно больше пользоваться темными красками при изображении действительности.

Советская сторона. или те что «за», защищаются как могут. И в их скучнейшей прессе, и в иностранных газетах, и даже в некоторых эмигрантских изданиях появляются статьи, полемизирующие с «третьей волной», старающиеся доказать, что весь мир «другой такой страны не знает, где так вольно дышит человек». Попытки эти — явно с негодными средствами. Тут допущено все, инсинуации, клевета, откровенная ложь. Если в писании новых эмигрантов мы только

подозреваем необъективность, то в советских ответах она бросается даже в самые близорукие глаза.

Кому же верить? Как узнать правду, свободную от малейших прикрас в одну или другую сторону? Ответ кажется ясным: съезди туда, посмотри на все своими глазами, потолкуй с народом, тем «молчаливым большинством», от лица которого никто не говорит. Вот это и побудило нас воспользоваться первой же, более или менее безопасной возможностью, чтобы повидать Россию и в течение шестидесятых и семидесятых годов были мы там три раза. Не скрою, что поводом к нашим поездкам, помимо идеологических оснований, была и обычная любознательность, чтобы не сказать любопытство, которое и доминировало над остальными побуждениями. Так вот, в первые поездки только оно и было удовлетворено, и то лишь отчасти. Сотрудничество ИНТУРИСТА с КГБ действовало безотказно, позволяя первому содрать деньги с любопытных, а второму — изолировать их от общения с населением. Визу можно было получить только через ИНТУРИСТ, а для этого необходимо было уплатить все вперед и то по классу «люкс», т. к. первого или туристического всегда не хватало. Вас встречала на аэродроме машина, везла в отель, где выдавались талоны на завтрак, обед и ужин, действительные только для предприятий ИНТУРИСТА. Утром и после обеда вам предоставлялась машина с шофером и переводчиком на три часа, завтрак, обед и ужин, в силу блестяще организованного «обслуживания», занимали все пять, а вечером нужно было идти в театр, концерт или цирк. Вот и пообщайся с народом, ведь шофера или переводчика к «молчаливому большинству» никак не отнесешь.

Должен признать, что свобода нам предоставлялась полная и что слежки за собой я никогда не замечал. Но что толку от этой свободы, если народ от нас отмежевывался, как мог. Спросишь что-нибудь — ответят вежливо, но предельно коротко: «да», «нет», «направо», «налево», и постараются от тебя отделаться. Было ясно, что иностранцев узнавали немедленно по одежде, а общение с ними было «противопоказано». Вот и вынесли мы общее впечатление о бесподобной красоте всего, что осталось от прошлого, о казарменности и обыденности того, что строится теперь, о бедности населения, выражающейся в одежде и обуви, очередях, толпах провинциалов на улицах столиц, о хамоватости всех, от кого вы минимально зависите, даже в мелочах: торговцев, кельнеров в ре-

сторанах, распределителей билетов в театры и т. д. Правда шоферы и переводчики ИНТУРИСТА были безупречно вежливы, но и от заданных им тем не уклонялись.

В первые два раза мы посетили только Петербург, Москву и Ялту, а в третий решили посмотреть и провинцию, составив для этой цели маршрут: Петербург, Рига, Сочи, Тифлис, Одесса, Москва. Поездка снова была организована ИНТУРИСТОМ, т. ч. впечатлений прибавилось мало. Упомяну важнейшие: самобытность, отчужденность и настороженность в отношении русского языка в Латвии и Грузии. Культ Сталина в последней, выражающийся в огромных надписях на скалах «Слава Сталину», статуях, хранящихся в музеях, беспрестанным повторением его имени переводчицей. Очень заметно и то, что провинция снабжена всем необходимым много хуже столиц. А в Сочи бросается в глаза разница в положении различных социальных классов. Для высшего, включая иностранцев, отличные пляжи, с волнорезами, кабинками, топчанами, зонтиками. Дамы в «бикини», с золотыми цепочками на животах и браслетами на ногах, лежащие на надувных резиновых матрацах, покачивающихся на волнах. А в каких-нибудь двухстах метрах пляжи для плебеев, простая галька, без кабин, без защиты от солнца, где на своих полотенцах устраивается «его величество рабочий класс», скрывающий свою наготу очень неприхотливыми покровами, если не просто нижним бельем.

На этом, казалось, можно было и прекратить посещения родины. Но в прошлом году институт в котором работаю получил извещение об организации в Москве конгресса по молочному скотоводству, с таким профилем, который давал мне право просить у начальства оплаченную командировку для представительства Венецуэлы. Пришлось срочно написать три работы, представить их на одобрение организационного комитета, получить заверения в том, что работы будут напечатаны в сборнике об итогах конгресса, и на этом основании просить в институте асигновку на билет и проездные. Таким образом, в июле 1982 г. мы снова оказались в Москве и набрались новых впечатлений, значительно более полных, чем в прошлые разы.

Для меня, как и для всякого, несомненно, что ценность этих впечатлений, по сравнению с тем, что опубликовала «третья волна», близится к нулю. Отдаю же я их на суд редактора нашего журнала только в слабой надежде, что мой, посторон-

ний советской действительности, взгляд мог отметить что-нибудь привычное для местных аборигенов, но необычное для нас. К тому же, я очень ценю сербское выражение — «свой своме», коротко говорящее о том, что все вопросы легче всего рассматривать и разрешать в своей узкой среде, где всякий понимает другого с полу-слова. Думаю, что к нам — кадетам это относится полностью, а потому и посылаю заметку в Нью Йорк, где она будет напечатана, «аще настоятель соизволит», или же займет подобающее место в корзине редактора.

Летели мы в Москву с пересадкой в Цюрихе. Я надеялся что авион швейцарской линии пойдет на Варшаву-Москву полу-пустым, а он оказался набит американцами украинского и польского происхождения, летевшими двумя группами, организованными туристическим агентством мистера Ковбаснюк, вероятно преуспевающего. Говорили эти старички обоего пола на каком-то невероятном смешении польско-украинско-американского языков, но выглядели вполне комфортабельно. В Варшаве половина вылезла, остальные прилетели в Москву.

Новый московский аэропорт Шереметьево 2 на первый взгляд не оставляет желать ничего лучшего. Просторно, удобные кресла, резиновые полы, автоматизированные причалы для авионов. Не хуже Европы или Америки. Другое дело — люди. В четырех кабинках сидят военные чины в форме, видимо пограничники. Погоны унтер-офицерские. Передняя стенка на высоте груди, дальше стекло. Унтер сидит низко и вам не видно, что он там делает с вашим паспортом. Раза два-три всматривается в ваше лицо, потом вызывает кого-то по телефону. Процедура для каждого длится не меньше пяти-семи минут.

Я шел первым, жена за мною. Пройдя контроль, я оказался в зале, где уже двигалась бесконечная лента для выдачи багажа, но самих чемоданов на ней еще не было. Что ж, думаю, уж если это Европа, то должны быть где-нибудь и тележки для багажа. У перегородки стоит какой-то чин. Подхожу, спрашиваю о тележках и получаю в ответ: «Это меня не касается». Хорошо, говорю, ну а кого это касается? «И это меня не касается». Я обозлился, «а быть вежливыми с посторонней публикой, вас учат?», спрашиваю. «А это вас не касается». Получив столь наглядный урок взаимоотношений власть имущих с подопытными кроликами, намотал я его

себе на ус и впрягся в наши два весьма солидные чемодана.

Дотянул я их до таможенного контроля и лицом к лицу оказался с тем самым чином, которого ничего не касается. Ну, думаю, дрянь дело. Перетряхнет он наш багаж так, что потом его и не запакуешь. И, о радость. Приказал мне чин поставить первый чемодан на платформу, закрыл его чехлом, повидимому просветил какими-то лучами, и говорит — снимайте. Затем очередь последовала за вторым чемоданом и мы были свободны. Даже обязательного вопроса о книгах, журналах или газетах не было задано. До сих пор не знаю — послабление ли это осмотров в общем порядке или же результат разговоров о том, что кого касается.

Спрашиваю встречного где тут Интурист? Показал на стойку, вроде бара, за которой стояла весьма пожилая женщина, окруженная какой-то, явно советского типа, толпой. В сторонке набиралась группа клиентов мистера Ковбаснюка, над которой уже шефствовала некая, говорящая по английски, дева. Будучи стреляным воробьем, я пробился через толпу, прося извинения по испански, и сунул в руки представительницы Интуриста, нашу справку об уплате отеля. «Ага, это Россия», сказала дама и тотчас из толпы вынырнул какой-то человечек, прокричал, что это его очередь, подхватил наши чемоданы и увлек за собою в такси.

О том, что представляет собою отель «Россия», мы уже знали по горькому опыту. Представьте себе городской блок домов, окруженный четырьмя кварталами улиц, по одной с каждой стороны, длиною метров двести, двести пятьдесят. Дома снесены, а на их месте построен пятнадцатиэтажный отель, с фасадами на все четыре стороны, которые так и называются: восток, юг, запад, север. Общее количество комнат — около трех тысяч. С каждой стороны есть ресторан на первом этаже, а на юго-восточных углах всех четных, устроены буфеты — кафетерии, работающие по принципу самообслуживания. Казалось бы — не плохо, но строители явно не учли свойств советского характера, с его основными принципами — делать лишь минимум необходимого и плевать на клиентов. Поэтому в ресторан без очереди не попадешь, пробежишь двухсот-метровку до другого фасада и тебе скажут, что у них санитарный час, на третьей стороне ресторан будет занят для каких-то делегаций, а на четвертой снова будет стоять длиннейшая очередь, усугубленная тем, что там справляется чья-то свадьба, банкет или юбилей. Плюнешь на все и под-

нимешься на 10-й этаж в буфет, но и там поесть далеко не просто. С двенадцати до двух закрыто для уборки и работает лишь 8-ой этаж, а здесь бутерброды кончились, кислое молоко тоже, яичницу поджарить некому и получить можно только яйцо, хлеб и масло. Правда, чай и кофе были постоянно, но последнее частенько без молока, которое не всегда доставлялось. Особенно пикантно то, что в отеле проходил съезд международного значения и именно по вопросам молочной продукции, а господа делегаты должны были в течение трех дней довольствоваться черным кофе. Докладчики же засыпали данными о миллионах литров молока, килограммов сыра и масла, тонн мороженого и т. д.

Характерно и обслуживание в буфетах. По штату там три женщины. Одна жарит яичницу, варит сосиски и вероятно моет посуду. Ее не видно, она в задней комнате. Вторая, молоденькая, убирает со столов. Третья, старшая, стоит за стойкой, наливает чай и кофе, передает заказы в заднюю комнату, выдает хлеб и пирожные, находящиеся за ее спиной, а главное принимает деньги. Вот тут-то и получается горлышко бутылки. По причинам, о которых можно только догадываться, все советские постояльцы отеля обязательно набирают солидное количество бутербродов, печенья или простокваши, на вынос. Получается сумма в два-три рубля с копейками. У покупателя мелочи не хватает, у продавщицы тоже, начинается спор, из набранного что-то возвращается назад, а толпа подпирает, все торопятся, протестуют, женщина огрызается и все вместе создает типично советскую фольклорную сценку. Но стоит это действительно дешево. Завтракая с аппетитом, включая яичницу, бутерброды, яблочный сок, кефир или простоквашу, чай или кофе, я никогда не платил больше двух-двух с полтиной рублей за двоих, т. е. даже по официальному курсу (70 копеек за доллар) 3-3,50 долларов. В ресторане же, где открытый буфет по системе самообслуживания и помимо всего что есть в буфетах, предлагают сырники, оладьи, жареную колбасу, завтрак стоит 1.50, т. е. около двух долларов на человека.

Комнаты в отеле небольшие, но вполне удобные. Две кровати, столик, два кресла, туалет в старом смысле этого слова. То, что теперь называют туалетом, т. е. уборная, оборудована вполне хорошо, с ванной и душем. В комнате есть маленький холодильник и черно-белый телевизор. В каждом коридоре имеется дежурная дама, у которой хранятся ключи

от комнат. Она же, по вашей просьбе, принесет в комнату чай или сифон содовой воды, для хранения его в холодильнике. Можно заказать и обед или ужин, но это хлопотно. Меню в комнате нет, а по телефону вам скажут, что имеется, только одно или два блюда, которые и подадут через часполтора, чуть теплым.

Общее впечатление от отеля хорошо охарактеризовали американцы, называющие его «товарищ Хильтон», желая этим сказать, что размах был на отель типа Хильтон, а получился «товарищ». Этому очень способствует и запущенность, вода, капающая из кранов, испорченные дверные замки, потрепанная мебель, замызганные паркеты, а прежде всего поведение персонала, не говорящего ни на одном иностранном языке, отвечающего презрительной ухмылкой на все попытки объясниться. Узнав, что нас поселили в «России», я был огорчен, но когда оказалось, что конгресс состоится там же, успокоен, даже обрадован.

Первая необходимость для иностранца в чужой стране, это разменять деньги. Пожалуйста, никаких затруднений, разменное бюро в отеле работает 24 часа, получите за ваши сто долларов семьдесят два рубля. Потом на улице ко мне подошла некая личность и прошептала: «меняю доллары, даю по два рубля». Но при въезде нас заставили точно указать имеющуюся с собою валюту, предупредив, что при выезде возможен контроль. Деньги же, привезенные для родственников уже были истрачены, о чем расскажу ниже.

Еще по дороге с аэродрома мы были поражены тем, как изменилась Москва. В прошлые приезды она на нас не произвела никакого впечатления. Узкие улицы, серые, запущенные дома, невзрачная, плохо одетая толпа на панелях. Теперь же улицы остались такими, как и были, но дома вымытые, подремонтированные или покрашенные, вдруг оказались красивыми, величественными, каждый на свое лицо. Несомненно все это было сделано для Олимпиады. Много развалюх снесли, все остальное в центре подправили и Москва стала по настоящему красивым барским городом. Говорю конечно о старой Москве, т. к. все новое, построенное в бывших подмосковных деревнях в современном экономичном стиле, — однолико, буднично, казарменно.

Автомобилей в Москве, по сравнению с европейскими или американскими городами, мало. Заторов не видно. Народ ездит на общественном транспорте. О метро писать не буду —

всем известно, что оно одно из лучших в мире. На автобусах или тролейбусах ездить очень неприятно. Народу, как сельдей в бочке, шоферы об этом не думают, тормозят, прибавляют скорость или поворачивают так резко, что все валятся друг на друга. Но стоит транспорт исключительно дешево — 5 копеек, меньше десяти центов. Отсутствие частных автомобилей загружает улицы пешеходами. В центре города по всем тротуарам прут толпы. Но и тут заметно изменение к лучшему, — люди выглядят более современными и элегантными. Если присмотреться, то увидишь, что материалы — дрянь, но фасоны, расцветка, общий вид, приближаются к западным. Это об одежде, но увы, не о тех, кто ее носит. В толпе естественно преобладают люди среднего возраста и сразу бросается в глаза, что они старше, чем заграницей. Особенно это относится к женщинам. Лет в тридцать становятся они толстыми, бесформенными, неухоженными. Видимо непосильный женский труд настолько изнашивает тело и душу, что заниматься собою им уже не хочется, а питание, основанное на сплошных углеводах в виде картошки и хлеба, приводит к таким наслоениям жира, что сглаживаются все приятные округлости. Очень, очень редко мелькнет в толпе точеная фигурка и нестеровское волоокое личико, но его появление только подчеркнет неприглядность большинства.

Зато хороши дети. Нигде, вот разве только еще в Польше, не видел я такого внимания родителей к детям. Упитанные, чистенько и красиво одетые, воспитанные малыши, всем видом своим показывают, что они гордость пап и мам. Как-то мы решили поехать в «Парк Культуры и Отдыха имени Горького» (не претит вам, как мне, это пятиэтажное название?) От станции метро до входа в парк нужно пройти километра полтора-два, включая мост через Москву, т. ч. далеко вглубь мы уже не заходили, а сели на скамейку метрах в трехстах от входа. Была суббота, люди были свободны от работы и мы диву давались количеству детей, проходивших мимо нас. Особенно хороши были девочки, в изящных коротеньких юбочках, с огромными бантами в волосах или косах. Родители же или бабушки-дедушки, неизменно несли в руках сверток или мешечек с едой. Видимо и в знаменитом парке «обслуживание» далеко не на высоте.

Чтобы покончить об общем впечатлении — несколько слов о церкви. Побывали мы в патриаршем Елоховском соборе. Служил архиепископ Волоколамский Питирим, главная часть

храма была забита народом, но в передней, где два придела, прихожан было мало. Пышность чисто византийская. Человек десять прислужников, три диакона, золото облачений, чудный большой хор, но главное впечатление это, — как истово молятся люди. Давно забытые ощущения: легкий удар свечей по плечу и шепот «Владычице», «Спасителю», коленопреклоненные фигуры, общее пение во весь голос «Отче наш». Большинство старики, но много и молодежи, молящейся столь же проникновенно.

«Молочный» конгресс проводился в той же «России». Оказалось, что ее внутренний пустой квадрат застроен огромным концертным залом, где и происходили пленарные собрания. Стоил конгресс для участников очень дорого — 250 рублей или 360 долларов. Собралось больше восьмисот специалистов, из которых шестьсот советских. Взносы за них делали их институты. Открытие было весьма торжественным. Чудный симфонический оркестр сыграл четвертую симфонию Чайковского, потом советский гимн. Председатель международной ассоциации, представитель Объединенных Наций и министр «молочной и мясной продукции» СССР произнесли речи на трех различных языках, полные привычных благо-глупостей: молока производится мало, от этого страдает все человечество и в первую очередь дети, нужно увеличить производство. Министр не преминул сказать, что в Советском Союзе это уже делается, что молока надаивают столько-то миллионов литров, сыра производят миллионы тонн и т. д., и т. д.

Потом был перерыв и все устремились в фойе зала. Оказалось, что там организован буфет, делящийся на две части: молочные продукты — бесплатно, бутерброды, пирожные, чай, кофе и кока-кола, за соответствующую мзду. Ясно, что все столпились у молочных продуктов, но отнюдь не ясно почему советские делегаты набирали по пять-шесть коробочек, пакетов или баночек, а милые барышни, стоявшие за прилавками, не только этому не противились, но даже помогали заворачивать в принесенную бумагу или вкладывать в кошевки. Сами же продукты ничего особенного из себя не представляли: молоко цельное и снятое, простокваша, ряженка, сметана, какие-то кремы, мороженое трех сортов, на мой вкус весьма посредственное. «Оторвавшись» даровыми продуктами, господа делегаты переходили к платным прилавкам и там повторялась та же картина, благо цены были не выше тех, что в буфетах на четных этажах.

Затем начались работы в комиссиях по производству и по технологии молока. Я пошел в первую, где представитель Израиля читал доклад о повышении производства на генетической основе, рекомендуя между-породное скрещивание скота. Хороший доклад, подкрепленный многими данными, но принципиально далеко не новый. Председатель, канадец, открыл обмен мнениями по докладу, указав, что все выступающие должны назвать себя, страну, из которой прибыл и язык, на котором будет говорить. Перевод велся на английский, французский, немецкий и русский языки. Сначала желающих говорить не было, но потом выступила какая-то толщенная специалистка из Казахстана и рассказала, что она тоже скрещивала коров различных пород и что это у нее выходило не плохо. За ней говорил пожилой украинский профессор, чью фамилию я встречал в литературе. Весьма глубокомысленно и с большим апломбом он сказал, что по его мнению скрещивать скот действительно стоит. Поднялось несколько рук и один за другим советские ученые начали честно отрабатывать заплаченные за них институтами 250 рублей: и я тоже, и у нас тоже. Международный конгресс превращался в нечто подобное студенческому семинару на третьем-четвертом году агрономического или зоотехнического факультета. Чтобы покончить с этим, председатель объявил, что для прений осталось только десять минут и он просит перейти к теоретическому обсуждению доклада, а не говорить о своих работах. Тут слово взял поляк Якубовский и на английском языке сказал, что советские ученые начали скрещивать различные породы скота еще в период тридцатых по пятидесятые годы и что, хоть делалось это в неорганизованном порядке, следует с полным вниманием изучить накопленный материал.

Я по началу твердо решил на конгрессе не выступать, чтобы не дразнить гусей, но тут не выдержал. Дело в том, что в период о котором говорил Якубовский, в советской аграрной науке самодержавно царил академик Трофим Лысенко, полностью отрицавший генетические законы, настаивавший на том, что наследственность меняется под условиями внешней среды. Эта теория была отлично подогнана к коммунистической идеологии, доказывая, что все живущие равны, а если и есть разница, то ее легко уничтожить, улучшив жизненные условия для отстающих. Лысенко купался в кремлевских милостях, а настоящие ученые и среди них генетик с мировым именем — Вавилов, «доходили» на островах ГУЛАГА.

Начал я назвав себя и упомянув, что представляю Венецуэлу и что буду говорить по русски. Это сразу насторожило весь зал, где было около 400 делегатов, на добрых три четверти из Советского Союза. Суть сказанного мною была приблизительно следующая: внимательно следя за специальной литературой, я с радостью вижу, что советские коллеги в последние годы с успехом заполняют двадцатилетний пробел в генетической работе по улучшению скота, образовавшийся вследствие анти-научной теории академика Лысенко, почти на четверть века задержавший развитие скотоводства. Я приветствую плодотворные усилия советских ученых, старающихся наверстать потерянное время, и по этой причине считаю своим долгом протестовать против выступления доктора Якубовского, рекомендующего вернуться к рассмотрению работ, основанных на лживой теории, которую нужно поскорее забыть. Аплодировали мне много, начиная с председателя, который поторопился закрыть прения, «злу не требовало», как говорят сербы.

Повидимому это выступление вызвало интерес к моей скромной личности, т. к. с этого дня я почти не оставался один, все время ко мне подходили люди, завязывали беседу, расспрашивали. Для меня же сам факт возможности общения с советскими гражданами был нов и радостен: значит и тут сработало известное правило «мутатис мутандис», значит и замкнутости, боязни общения с иностранцами, приходит конец.

Разговоров было много и на разные темы. Приведу те, что мне кажутся более интересными.

О положении сельского хозяйства. Почему вы ежегодно выписываете из заграницы миллионы тонн зерна? Засуха, ранние дожди осенью, недостаток удобрений. А как же в Америке или Аргентине, там засухи и дождей не бывает? А в дореволюционной России, что хлебом подкармливала Европу, их тоже не знали? Не в организации ли всего хозяйства дело, не в колхозной ли системе? Что ж может быть вы и правы, мы об этом много говорим, но ведь от методов коллективного труда уйти нельзя, ведь это нарушит всю социалистическую структуру государства. Хорошо, а что важнее для народа голод или социализм, не получается ли, что у вас не социализм для улучшения жизни населения, а наоборот, население является подопытным кроликом для социализма? Ах, что вы! Социализм, как научная теория никем не оспари-

вается, ему не нужны экспериментальные доказательства. Ну а колхозы, где сорок процентов населения не могут прокормить остальные шестьдесят, в то время как в Америке десять процентов кормят всех, да и вас в придачу? Да, тут что-то не ладится. Но ведь и выхода нет. Помимо колхозов, социалистическая система допускает еще и совхозы, т. е. государственные имения, но и там производство оставляет желать много лучшего. А сдавать земли в аренду частникам недопустимо из идеологических соображений, да и невозможно на практике: где теперь найдешь людей, способных самостоятельно вести большое хозяйство, как снабдишь их необходимым инвентарем, как научишь им пользоваться?

Об общем положении в стране. Как живется, лучше чем раньше? Нет, нет, с каждым днем хуже, потому что порядка нет. Это началось с Хрущева, а вот при Сталине было все иначе, люди работали, хищения пресекались сразу, дисциплина стояла на большой высоте. А концлагеря, миллионы погибших? Да, это было, хоть и не в таких масштабах, как теперь говорят. Но Сталин тут не причем, ему Берия и другие клеветали, а он не мог проверить и чересчур доверял своим помощникам. Лучше же всего было при Ленине, когда и репрессий не было. А за что же поставлен памятник Дзержинскому против знаменитого учреждения? За то, что он очень любил детей? Нет, конечно. Дзержинский был верный защитник революции и ее достижений. Полиция необходима, без нее наша страна превратилась бы в нечто подобное западу, где и на улицу выйти страшно. Да и происки капиталистов-империалистов против первой социалистической страны, заставляют постоянно быть на стороже. Что ж, говорю, частично с вами можно и согласиться. вот только хочется вам напомнить фразу, вложенную Солженицыным в уста простого мужика: «Волкодав — прав, а людоед — нет». Если бы были вам доступны все книги, освещающие положение в вашей стране, вы бы легко убедились, что первых у вас маловато, а вторых — хоть пруд пруди.

О религии. Рассказываю о том, как мне понравилось пение в соборе, как истово молится народ. Это отрыжка прошлого, отвечают, религия здесь умерла, вернее уничтожена, за ненадобностью. В церковь ходят старички. Не верно, говорю, я там видел много молодежи, а о смерти религии говорить не приходится, вы ее не уничтожили, а попытались заменить новым верованием — пресловутым социализмом. Смеются.

Какая же религия — социализм, это научно обоснованная политическая и экономическая система. В которую верить обязательно, подхватываю, которая непогрешима, в которой есть свои святые и даже свой культ, в виде парт-собраний, митингов, демонстраций. А кто же святые? Да Ленин, на первом месте, чьи суждения неоспоримы, образ иконописен, мощи хранятся на Красной Площади для всеобщего поклонения, кто при жизни не сделал ни одной ошибки и оставил после себя самую светлую идею, озаряющую и поныне человечество. А Маркс, а все те вожди, что похоронены за мавзолеем, разве не святые? Ведь и Сталин был причислен к этому же лику, пока Никита Сергеевич его не развенчал. В старой России учили Закону Божию в школах и гимназиях, а вам толдычат полит-грамоту и в университетах, и даже до самой смерти на собраниях «активов». «коллективов» и т. д. Но ведь христианство звало к миру и любви, а полит-грамота — к борьбе и ненависти. Сравните «возлюби ближнего, как самого себя» и «в борьбе обретешь ты право свое» или «грабь награбленное».

Хочу подчеркнуть, что такие разговоры происходили только с двумя-тремя молодыми мужчинами и где-нибудь в уголке, вне толпы, при чем при приближении посторонних мы замолкали. Ни с пожилыми, ни с женщинами, таких разговоров не было.

Относительно советской экспансии. Все правильно, и захват половины Европы, и проникновение в Азию, Африку и Америку, и теперешняя оккупация Афганистана. В прошлом веке западные страны владели всем миром, потому что были сильны. Теперь наша очередь, ибо капиталистический мир прогнил, а мы растем и крепнем. Кроме того, мы несем миру светлую идею коммунизма. Если раньше реакционная Австрия говорила "Alles Erdreich ist Oesterreich unterthan" (я эту фразу записал, чтобы не забыть), то насколько же больше прав имеет Советский Союз расширять свое влияние, будучи провозвестником счастливого будущего. Значит, мировая революция? Нет, никакой революции не нужно, люди добровольно принимают наши идеи и переходят в наш лагерь. А Польша с ее «Солидарностью»? Польша всегда была против России, а тут еще и западные агенты проникли, главным образом через католическую церковь, вот они и начали бунтовать. Поляки всегда были панами, им всегда больше всех всего нужно они не понимают, что коммунизм с неба не падает, что его

нужно заработать трудом и лишениями, как дошли до него мы в Советском Союзе.

Все это говорилось в столь решительном и убежденном тоне, что я не рискнул оспаривать, боясь нарушить установившийся контакт.

О противниках режима, «инакомыслящих» или «диссидентах». Это те, кому все не нравится, потому что они в жизни не преуспели. Бездарные писатели, неудачники, бесталанные научные работники. Ой ли, говорю, а Сахаров, Солженицын? Сахаров большой ученый, но он хотел не только председательствовать в Академии, а править всей страной. В партии ему хода не было, вот он и выдумал какую-то свою теорию, за которой никто не пошел. А Солженицын обижен на советскую власть за то что его посадили, и теперь на нее клевещет. А вы его книги читали? Нет, и не желаю. Так как же вы можете утверждать, что он клеветник? Мне достаточно того, что пишут о нем наши газеты. А в них одна правда? Ну, не всегда, а в большинстве случаев. А не кажется ли вам, что вы слишком доверчивы? Ведь Солженицыну дали премию Нобеля по литературе, его книги нарасхват по всему миру. А Сахаров лауреат той же премии за его вклад в дело сохранения мира. Что ж вы думаете, что заграницей одни дураки живут, которых легко околпачить? Не кажется ли вам, что вместо того, чтобы высылать, ссылать или сажать за решетку всех инакомыслящих, вашему правительству стоило бы просто издать или напечатать все, что те пишут. Народ бы убедился в беспочвенности их протестов и от них отвернулся. Сам же факт замалчивания их высказываний ясно говорит о том, что там много правды, опасной для власть имущих. Вот с этим, мы согласны. Печатать нужно, тем более, что ничто не может угрожать спокойствию нашей страны. Весь народ за советскую власть.

Эти разговоры велись с участниками конгресса, несомненно принадлежащими к привилегированному классу, весьма возможно, — с членами партии. Но при переходе на житейские темы, их патриотизм заметно убывал. Жалования маленькие. Но и на полученные деньги ничего хорошего не купишь. На работе — план, а личная инициатива, столь нужная в научно-опытных начинаниях, пресекается. Спрашиваю одного профессора с тридцатилетним стажем, заведующего кафедрой, моего приблизительно возраста, почему он не выйдет в пенсию. Отвечает: «а как же я на 120 рублей в месяц жить буду?»

У меня в Москве живет кузен, геолог. То ли хождение по северным болотам, то ли наследственность, а может быть и какая-нибудь другая причина, но у него развился поли-артрит, т. е. ревматическое воспаление всех суставов. Пальцы скрючены, ноги подогнуты, постоянные боли. Лежит пластом. У него чудная жена, которая его кормит с ложечки, умывает, переодевает, поворачивает с боку на бок. Не жизнь, а сплошное страдание. Но поразительно, как этот мученик сумел сохранить бодрый дух, интерес к окружающему, здравое суждение. Здесь, в Венецуэле, у него, помимо меня, есть еще две кузины. При нашем отъезде, они вручили нам некоторую сумму денег в долларах, чтобы порадовать больного и его самоотверженную супругу. Увы, превращать доллары в рубли по коммерческому расчету, они не умеют. Да и что можно купить за рубли? На доллары же торгуют магазины для иностранцев, под названием «Березка» и их в Москве несколько. Поэтому моя жена посвятила целое утро на объезд этих «Березок», где жена кузена тратила свои доллары. Главное, что ее интересовало, это постельное белье, которого там не достанешь. А как предмет роскоши купила она коврик, чтобы прибить на стену у кровати больного. Возвращались тролейбусом, а там какая-то мегера сразу набросилась с вопросом: где достали. В «Березке». А как вас туда пустили? Да вот, с кузиной. А вы откуда? Из Венецуэлы. Боже, из этой ужасной страны, где душат все живое, где все свободомыслящие люди гноятся в тюрьмах, как вы можете там жить? Да вот, говорит жена, не только живем, но и сюда, как видите, приехали. А откуда вы знаете, что у нас так плохо? Из газет, по радио, по телевидению. А почему бы вам самой туда не поехать, посмотреть на все своими глазами. Это чтобы и меня там засадили, да ни за что. Жена кузена потом сказала: «Это наверняка из органов, хорошо что ты с ней не спорила».

У жены было еще одно интересное наблюдение. Дамский комитет конгресса организовал посещение ателье мод. По словам жены, Парижу не уступит. Демонстрировали платья и костюмы, сплошные красавицы, с точеными фигурками, отличными, моднейшими прическами, косметикой, умением себя держать. Да и модели исключительно красивы и оригинальны. Естественно последовал логичный вопрос: а где это можно приобрести. Ответ же был предельно лаконичен: нигде. Зачем же тогда все это делается? А для того, чтобы наши женщины могли приобщиться к моде, научиться красиво оде-

ваться.

Еще одно «фольклорное» наблюдение. В день открытия конгресса, участники были приглашены на «прием» в ресторане на Арбате. К «России» подали не меньше двадцати автобусов. Начали заполнять с первого, а мы попали приблизительно в десятый. Автобус полон, жара, духота. Почему передние не едут? Потому, что еще не все автобусы заполнены. Что ж шоферы дороги туда не знают? Знают, но ехать должны все вместе. Почему? А это, говорю, потому, что у вас тут без очереди обойтись не могут. И автобусы пойдут гуськом, и мы, когда приедем, сделаем пробку при входе в ресторан, отдавим друг другу ноги, переругаемся и зарядимся хорошим настроением для «приема». В ответ послышался смех и голоса «Точно», но какая-то делегатша строгим голосом сказала: «У каждой страны свои обычаи».

Оказалось, что я, как в воду глядел. Когда 800 человек пробивались в одну узкую дверь, за моей спиной оказалась научная работница, килограмм на полтораста весом, и так пригрела всеми своими выпуклостями, что мы из толпы пробились наружу и вошли одними из последних. Ресторан — огромный зал с антресолями, где повсюду были расставлены столы, высотою приблизительно до пояса, заставленные блюдами с холодными закусками, отменного качества. Преимущественно рыба, но было и мясо, и салаты. Во всю длину стола, от торца до торца, стояли бутылки белого и красного вина, чередуясь с фруктовой водой. Ни одного стула. Толпа из двери бросалась к незаполненным столам и плечом к плечу выстраивалась плотными шеренгами, в которые протиснуться было не всякому под силу. Сейчас же разбирались тарелки и через каких-нибудь полчаса на блюдах не оставалось ничего. Мы подошли к какому-то столу и через минуту были сжаты с обеих сторон весьма солидными дамами. Оглянувшись, я увидел, что за нами есть помостик для оркестра, высотою со ступеньку. Набрав кое-чего на тарелки и наполнив два бокала вином, мы ретировались и скромно сели на борт помостика. Не прошло и пяти минут, как весь он был занят сидящими, как и мы, иностранцами, в большинстве из Дании. Назад же нас везли в менее организованном порядке, по мере наполнения автобусов. Так узнали мы, что такое «прием» по советски.

Потом была еще одна интересная поездка в совхоз «Коммунарка», возле знаменитых «Горок Ленинских», где доят 2000 коров. Из двух часов, которые там провели иностранные де-

легаты конгресса, полтора ушло на речь директорши (килограммов 90, не меньше), где нам были представлены все выгоды коллективного труда, вся забота партии и правительства о народном благосостоянии. Какие-то канадцы пробовали протестовать, но крупнокалиберная дама и ухом не вела, а продолжала свой монолог.

Какое же это общение с «молчаливым большинством», спросит читатель. Ведь разговоры велись все с теми же наймитами режима. Не спорю. Но хочу напомнить, что при советской организации общества, весь средний класс — это наймиты режима, ибо других работодателей там нет. Средний же класс, всегда и всюду, дает тон общественному мнению, т. к. высший слишком малочислен и обособлен, а низший недостаточно культурен. Новым же для меня было то, что люди со мною говорили, спорили, охотно выслушивали мое мнение. Но объективности ради приведу и единственную беседу с представителем низшего класса — шофером такси.

Поймали мы его у дома моего кузена, на самой окраине Москвы, за которой уже лежит густой лес. Вез он нас до центра около полу-часа. Сначала говорил о том, как трудно сводить концы с концами, выполнять обязательный план, избегать скандалов с пьяными и хулиганами. Расспрашивал, кто мы и откуда, почему хорошо говорим по русски. В это время мы подъехали к району больниц и я, чтобы его подзадорить, говорю: «Как хорошо у вас тут организована медицинская помощь, все даром, ни о чем не надо заботиться». Он даже руль на момент бросил, чтобы всплеснуть руками. «Это у нас-то хорошо? Это у нас бесплатно? Да знаете ли вы, что если не заплатить сестрам, няничкам, уборщицам, то с голоду помрешь, в грязи сгниешь. Чтоб попасть в больницу нужно дать на лапу, а то месяцами будут говорить, что мест нету. За операцию нужно заплатить хирургу, иначе не сделает. Два месяца назад моего зятя оперировали, а в больницу его приняли только тогда, когда мы собрали 200 рублей для хирурга. А потом он лежал, после операции, так жена ему всю пищу из дома приносила. Такой дрянью в больницах кормят, что в рот не возьмешь. Может у них и есть на хорошую пищу ассигнование, да все раскрадывают. Вы из заграницы, они вам такого про нашу жизнь понараскажут, что и во сне не снилось. Не верьте ничему, все врут. Жизнь у нас собачья». Расплачиваясь, я прибавил на чай, но шофер отказывался взять: «Ну, чего там. Хорошо проехали, по душам поговорили».

Настал день отъезда и на аэродром нас вез еще один шофер. «Как жизнь». спрашиваю. «Все хуже и хуже. При Хрущеве началось, а вот при Сталине действительно жили». «А при Ленине?» «Я молодой, не помню, а старики говорят, что еще лучше было». Я ему сказал, что уже слышал такие сужденья, но мне кажется, что они просто результат людской забывчивости, по формуле — что пройдет, то будет мило. Шофер подумал минутку и ответил типично по советски: «Понятно... Точно...».

Откровенно говоря, уезжал я несколько меньше русским, чем приехал. Мне кажется, что Советский Союз все дальше и дальше отходит от России в нашем понимании, становится какой-то новой страной, с устремлениями и идеалами, нам чуждыми. Говорю, конечно, не о политике, а о людях, их мироощущении, духовном складе. Много еще в советских обывателях близких нам черт: доброта, отзывчивость, радушие, склонность к идеализму. Но много и нового, отрицательного, привитого десятилетиями жизни при полицейском режиме: недоверчивость, скрытность, приспособленчество, ура-патриотизм. Мне все время хотелось напомнить собеседникам фразу одного из зачинателей русского революционного духа — Чаадаева: «Прекрасная вещь любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — любовь к истине».

Улетали мы на авионе той же швейцарской линии. Среди пассажиров советских граждан почти не было. Как только авион оторвался от взлетной дорожки и начал набирать высоту, в кабине раздались дружные аплодисменты. Люди выражали свою радость возвращению к привычной свободе, освобождению от чувства угнетенности. Мы с женой тоже аплодировали.

Владимир Бодиско

Кадет 10-го выпуска Крымского и Первого Русского Корпусов.

ОТ РЕДАКЦИИ

Чеки присылаемые в уплату подписки следует выписывать на имя

"Association of Russian Cadets, Inc."

и высылать по адресу:

Eugene Girs
85-59, 88th Street
Woodhaven, N. Y. 1421. USA.

Святейший Патриарх Сербский
ВАРНАВА.

(Православное Обозрение № 56)

Это незабываемое событие произошло давным давно, почти что 45 лет тому назад. Был я тогда студентом-первокурсником и поправлялся в русском госпитале, около Белграда, от перенесенной операции гнойного апендицита. Подходило Рождество и я с нетерпением ожидал выписки из больницы и заранее предвкушал удовольствие провести праздники среди родных и товарищей.

Одним серым декабрьским утром, когда жители госпиталя находились еще в полусонном состоянии, вошла озабоченная старшая сестра и сказала, что из Белграда сообщали о желании патриарха Варнавы, перед праздником, посетить русский госпиталь, чтобы благословить больных, и что сербский первоиерарх прибудет в Панчево в 10 часов утра. И госпиталь загудел, как пчелиный улей: забегали и засуетились санитары, сестры, доктора... Приблизительно около обеда, когда уже начали разносить пищу, дверь в нашу палату отворилась и на пороге появилась величественная фигура патриарха в сопровождении свиты и д-ра Левицкого. Патриарх Варнава шел медленно вдоль коек, задавая каждому вопрос: «Православный?», благословляя и выражая слова сочувствия. Я был самым младшим в палате, и, очевидно, по этой причине, подойдя к моей койке и внимательно посмотрев на меня, патриарх спросил почему-то по-сербски, хотя и владел в совершенстве русским языком: «Шта ти е, сине мой? Што си тако блед?» [1]). И получив от меня объяснение, добавил уже по-русски приблизительно следующее: «С милостью Божией, ты скоро поправишься и на праздники присоединишься к своим родителям!» В последующие годы мне несколько раз удавалось попасть на патриаршие службы.

За все время своего 60-летнего существования Зарубежная Русь знала только трех верных и преданных друзей среди высших церковных, политических и общественных деятелей Европы и Америки, готовых идти на большие жертвы ради обездоленных русских братьев. Ими были: король Александр I Карагеоргиевич, чешский общественно-политический деятель

1) «Что с тобой, сын мой? Почему ты так бледен?»

Крамарж и патриарх Варнава. Но, без всякого сомнения, первое место среди них занимал сербский первоиерарх «серб по крови и рождению, но русский по воспитанию, духу и благочестию» [2]).

«Я непоколебимый и искренний друг русского народа. Как можно без содрогания сердца слышать, что теперь творится в России. Плачет русский народ о детях своих, как плакала древняя Рахиль, и не хочет утешиться, ибо их нет. Но мы убеждены, что русский народ, искушенный, как золото в горниле, вновь воссияет обновленным блеском и вновь будет для всего источником чистого Христова света», — говорил патриарх Варнава в одной из манифестации любви и преданности к Русской Православной Церкви и народу.

Русские биографы сербского первоиерарха считают, что никто не понял так прозорливо, и не принял так близко к сердцу страшную трагедию и страдания русского народа, как патриарх Варнава. В одной из своих «Бесед», изданных «Гласником Српске Православне Патриаршие», касаясь «Многовековой братской связи с русским народом», святейший, кроме остального, сказал:

«Во всех тяжелых моментах своей истории сербский народ всегда искал утешения, поддержки и защиты у великой матери России. Но короной всех добродетелей, которыми Россия осыпала сербский народ, было историческое решение царя-мученика Николая II, со всем русским народом, выступить на защиту Сербии. Сегодня русский народ и близкая моему сердцу Русская Православная Церковь проходят через великие искушения, но, милостью Божией, придет конец и русской Голгофе и великая православная Русь воскреснет опять в старой силе и славе, как могущественная защитница православия и славянства».

А вот что писал старейший русский писатель Зарубежья, В. И. Немирович-Данченко:

«В переживаемую нами глубокую безрадостную ночь тяжкого ига, дружественный голос Святейшего патриарха Варнавы неизменно так мужественно подымался в защиту многострадальной России, что нет между ее выброшенными за рубеж сынами ни одного, чье сердце не билось бы ответной благоговейной любовью при его имени. На нашем крестном

---

2) Цитировано со слов серба — протопресвитера А. Живановича. проф. Белградского Богословского факультета.

пути все меньше встречается друзей когда-то великого народа! Смолкают колокола его несчетных церквей, самые храмы или стираются силой адовой с лица земли или обращаются в мерзость разврата и поношения всего, во что верил, что любил, чему поклонялся и на что надеялся наш многомиллионный богоносец. Еще вчерашние друзья нашего отечества братаются с этой торжествующей мощью ненависти, невежества и предательства. И тем громче, властнее, ободрительнее в этом багровом мраке звучит святое, набожное слово Святейшего Варнавы, тем выше подымается над нашим отчаянием и скорбию его светлый образ».

И правильно отметил Владимир Маевский в своей замечательной книге «Русские в Югославии» следующее:

«Патриарх Варнава не только открыто выражал свое глубокое сочувствие русскому народу, — он в то же время бросал христианским народам Европы горькое слово укоризны за холодное равнодушие к страданиям русских, за тупое безучастие и безмолвное созерцание кровавой оргии, совершаемой на русской земле, где происходило попирание святынь веры и ценностей великой культуры».

Для того, чтобы понять в какой духовной обстановке появился на свет и в каких условиях выростал и крепнул духом будущий церковный и исторический сербский деятель, друг русского народа и русской национальной эмиграции, необходимо окинуть беглым взором историю Сербской Православной Церкви и ее многовековую борьбу с исламом и католицизмом. С этой целью мы опять воспользуемся, главным образом, патриаршими беседами.

С самого начала своего существования Сербская Православная Церковь подвергалась нажиму со стороны романизированного Далматинского архиепископата. Один из основателей династии Неманичей, которые создали сербскую империю, был до 30 лет католиком. Другой монарх этой династии, король Стефан Дечанский [3]), склонялся в сторону Рима. Но в сербском народе появился замечательный человек царского рода: Ратко Неманич, нареченный в монашестве Саввой, и от него-то Сербская Церковь и получила название Святосавской. В 1219 году Св. Савва добился автокефалии своей Церкви, и провозгласил единственной религией в Сербии Православие. Наследники Св. Саввы ревностно продолжали его дело и в

3) См. брошюру «Высоко-Дечанская Лавра» — в издании Типографии преп. Иова Почаевского, Джорданвилль, Н. Й.

последующем веке. а особенно во время расцвета сербской империи при Душане Сильном. В 1346 году был созван церковный собор в столице Душана — Скопле, на котором, в присутствии болгарского патриарха, греческих митрополитов и других церковных лиц, был избран первый сербский патриарх, а он уже и венчал короля Душана на царство. Резиденцией патриархии был выбран монастырь на окраине города Печь (на Косовом Поле). Вот почему патриархия получила название Печьской.

Со смертью царя Душана начался и распад сербского царства, за ним последовало поражение сербов на Косовом поле, гибель князя (царя) Лазаря и почти что пятивековое турецкое иго, принесшее Сербской Православной Церкви и народу неслыханные страдания. Большое количество церквей было разорено или превращено в мечети, а население силой переводилось в ислам. Монастыри еще как-то сохраняли известную долю самостоятельности и служили очагами Православия, за что тоже часто опустошались измаильтянами.

В 1552 году, при помощи великого визиря Соколовича, потуреченного серба, удалось как-то восстановить Печьскую Патриархию. Но уже в 1594 году турки осквернили и разорили многочтимый древний монастырь Милешево (XII в.), где находилась рака с мощами Св. Саввы. Сербский первосвятитель скончался в Болгарии и его мощи были перевезены в Милешево королем Владиславом в 1236 году. Интересно отметить, что уже начиная с 16 века Милешевский монастырь начал получать помощь от Московской Руси, а в 1558 году Иоанн Грозный послал в дар монастырю церковные книги, драгоценную чашу и деньги. В последующие два с лишним столетия милешевские монахи не раз побывали на Руси, собирая пожертвования.

Турки придавали большое значение Милешеву, как религиозному сербскому центру, а поэтому не раз опустошали монастырь. По приказанию Синан-паши мощи Св. Саввы отправили в Белград, где и предали сожжению в апреле 1594 г. Между тем, связь угнетаемой Сербской Церкви с Московскою Русью продолжается и дальше. Монахи разных монастырей получают от московских царей разрешение собирать пожертвования по всему их обширному царству [4]). Патриарх сербский Гавриил посещает Москву, принимая участие в поместном соборе,

---

4) Один такой документ пишущий эти строки видел в древнем монастыре Студеница, в 1972 году.

который был занят исправлением богослужебных книг. Позднее патриарх Василий спасается в России от турецкого преследования.

В конце 17 века Печьская Патриархия распространила свою юрисдикцию далеко за пределы бывшего Душанова царства, и патриарх становится не только духовным, но и светским руководителем сербского народа. В последующей четверти 17 века, после турецкого поражения под Веной, австрийский император Леопольд призывает все порабощенные турками народы восставать против своих угнетателей. Сербский патриарх Арсений III решил, что настал час освобождения, и дал благословение на восстание. Австрийская армия, в своем продвижении на юг, достигла Косова, но тут потерпела поражение. Предвидя турецкие репрессии, патриарх Арсений со своим народом решил покинуть родные места и уходить на север, за реки Дунай и Саву: 37 тысяч семейств со скарбом, большая часть черного и белого духовенства, с иконами и мощами сербских святителей покинули родное пепелище. То же самое, и еще, быть может, в большем масштабе, повторилось в 1737 году, под патриархом Арсением IV.

Чтобы уничтожить главный очаг сербского сопротивления, султан Мустафа II, своим «ферманом», упразднил Печьскую патриархию: «престол Св Саввы, на котором сидело 11 архиепископов и 35 патриархов», и присоединил ее к Константинопольскому патриархату, который стал назначать в Сербию греческих епископов и митрополитов. В Австро-Венгерской империи, со времени Арсения III Чарноевича, была создана самостоятельная Карловацкая митрополия (сначала носившая название Крушедольской) в городке Сремские Карловцы, в 50 клм. от Белграда. Как известно, после революции этот город стал резиденцией Св. Синода Русской Зарубежной Церкви и в нем проживал блаженнейший митрополит Антоний.

В Хорватской и Далматинской части «лоскутной» империи Сербская Церковь подвергалась притеснениям католиков и униатской пропаганде. Со слов одного русского богослова, «гонимая и никем не защищаемая Православная Церковь в Далмации чудом Божией благодати уцелела доселе» [5]). В 1848 году Карловацкий митрополит Иосиф был провозглашен патриархом, и Франц-Иосиф подтвердил выбор.

В это время на территории старой Сербии Православная

---

5) Цитата дана патриархом по русски, но имя богослова не упомянуто!

Церковь вела отчаянную борьбу за свое существование. Так называемая Зетская митрополия (Черногория), как составная часть Печьской Патриархии, продолжала существоать, имея своей резиденцией Цетинье (столица Черногории). После 1516 года Церковь приняла на себя и светскую власть: в течение 336 лет Черногорией правили владыки. Самым известным из них был Петар II Петрович Негош. После разгрома Печьской Патриархии, Зетская митрополия стала самостоятельной.

В начале 19 века в Сербии разгорелось восстание вождя Карагеоргия, и в 1831 году Царьградский патриарх принял автокефалию Сербской Церкви, а султан подтвердил это своим «хатишерифом». Большую роль в реорганизации Церкви сыграл митрополит Михаил, давший, кстати, толчок для присоединения Высоко-Дечанской Лавры к русской обители Св. Иоанна Златоуста на Афоне. Наконец, с победоносной Балканской войны 1912 года начинается объединение сербских земель, церкви и восстановление патриархии. В марте 1920 года вселенский патриарх признал Автокефальную Воссоединенную Сербскую Православную Церковь, которая объединила всех православных (значит сербов) [6]) на территории Королевства СХС (позднее Югославия). В том же году был избран сербским патриархом митрополит Димитрий, а после его смерти патриархом стал митрополит Варнава.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

В старой Сербии, между реками Дриной и Тарой, живописно раскинулся небольшой городок Плевле, носивший до турецкого разгрома название Брезница. В этом городке, в благочестивой семье Росичей, 29 августа 1880 года родился младенец, при крещении нареченный Петром. Среди предков будущего патриарха было несколько духовных лиц, ревностных хранителей православной веры. Мальчик рос очень впечатлительным, был от природы одаренным, а родители привили ему горячую любовь к Православной Церкви и родине. Когда Петр подрос, по его желанию родители определили его в Призренскую Богословию, в городе Призрене. Нужно сказать, что Призренская митрополия в то время была религиозно-национально-

---

6) В сербском понятии, до наших дней, сербом мог называться только православный. Таким образом, еще со Св. Саввы сербская национальность была связана и с религией.

нальным центром подъяремной Сербии с прилегающими национальными святынями: Высоко-Дечанской Лаврой, церковью (монастырем) Грачаницей и Печьской патриархией. Призрен был воспет в народных песнях, как «Царьград сербский», «Богохранимый» и т. д. Призренская семинария, в которой учился Петр Росич, являлась религиозно-просветительным центром в Южной Сербии. Основал ее обрусевший серб-петербужец Игуманов, а постоянно семинария поддерживалась русскими дипломатическими представителями, и без их помощи не могла бы существовать. При содействии русских консулов, через Белград, посылались в семинарию из России книги, и таким образом, была создана богатейшая на Балканах библиотека православной религиозной литературы. Кроме книг, посылалась и церковная утварь, как и многие другие вещи. И вообще, в это время вся защита православных сербов в Южной Сербии находилась в руках авторитетных русских консулов, т. к. сербские дипломаты были бессильны перед турецкими властями. А турки, признавая, главным образом, грубую силу, и терпя поражение за поражением в войнах с Россией, научились бояться и уважать русских [7]).

Митрополит Дионисий сразу же обратил внимание на Петра Росича и «провидел, что не предназначен он для скромного пастырского служения, а для высшего звания в Церкви». Онто и сыграл решающую роль в выборе для Петра Росича места, куда ему было нужно ехать учиться. Да и юного Петра уже давно занимала мысль о России и он с детства, под влиянием родных, полюбил великую покровительницу Сербии. По ходатайству митр. Дионисия, Петр Росич был принят без экзаменов в Петербургскую Духовную Академию. Вот, как сам патриарх Варнава впоследствии вспоминал о своих первых днях в России:

«Еще в детстве лично я чувствовал громадное стремление к России и своим детским воображением представлял себе ее величие в самом ярком свете. Мое желание исполнилось и Господь привел меня окончить в Петрограде Духовную Академию. Первый раз я приехал в Россию в 1900 году. Скажу откровенно, что я себя так хорошо чувствовал в России, что при мысли о необходимости вернуться на свою родину, я чув-

---

7) В настоящее время сербские церковные иерархи не только не хотят вспоминать о благодеяниях русских и многовековой помощи сербской православной церкви, но просто не желают об этом ничего и слышать. И обвинять за это существующий режим было бы неблагоразумным.

ствовал какое-то невольное огорчение. Религиозная жизнь русского народа так на меня подействовала, что я тогда же решил принять монашество».

Но Петр Росич ни минуты не забывал своей цели и обязанности по отношению страждущей Сербской Церкви, а поэтому, в свободное от занятий время, посещал монастыри и храмы, старался укрепить свою связь с русским духовенством и народом, чтобы почерпнуть в этих отношениях как можно больше опыта, столь необходимого у себя на родине. И позже, в начале войны, как бы предвидя объединение югославян под мощной защитой русской империи, он представил королю Петру обстоятельный доклад. Об этом, в Югославии, не раз вспоминал блаженнейший митрополит Антоний.

Св. праведный Иоанн Кронштадтский был так же воспитанником Петербургской Академии и часто посещал свою «алма матер» в период учения Росича, где вел беседы со студентами, что и сыграло очень важную роль в духовном развитии будущего патриарха.

«Мысль о святой Православной Русской Церкви и христолюбивом русском народе всегда волнует мое сердце. Закон Христов о любви к ближнему глубоко вкоренился в русских сердцах ,которые любят не только своих друзей, но и своих врагов», говорил святейший.

Петр Росич провел в России непрерывно с 1900 по 1906 год, ни разу не побывав у себя на родине. Летние каникулы проводил он по святым монастырям: первый год под Москвой, в Мефодиевском монастыре; следующие каникулы паломничал в Троице-Сергиевскую Лавру, потом в Киево-Печерскую... На последнем семестре 5-го курса, получив благословение от родителей и от Призренского митрополита Никифора, в субботу 30-го апреля 1905 г. недели Жен-Мироносиц, студент Петр Росич был посвящен в иноческий чин, а через месяц в сан иеромонаха.

Несмотря на то, что о. Варнава привык к России и полюбил ее всей душой; несмотря на искушение получить прекрасное место и возможность сделать духовную карьеру, он понимал, что главная его цель помочь своей страждущей Церкви, и с грустным сердцем покидал он Россию. Первым его назначением в сербской юрисдикции была должность настоятеля при сербском православном храме в Константинополе. Перед отъездом из России о. Варнава совершил паломничество в Валаамскую обитель, «где снова убедился насколько русский на-

род предан Церкви и, как он почитает монастыри».

В Константинополе сербское посольство не имело своей церкви и, опять-таки при братской помощи русских, получило в пользование русский храм Св. Николая, при посольском госпитале, а в торжественных случаях сербам предоставлялся посольский храм на Пера. Через год о. Варнава отправляется в Святую Землю, где совершает богослужения в русских храмах. В Константинополе новому настоятелю пришлось познакомиться со своим королем, Петром I, на его пути из России, где он присутствовал на бракосочетании своей дочери Елены Петровны с Великим Князем Иоанном Константиновичем. Эта встреча приблизила о. Варнаву к династии Карагеоргиевичей. В 1910 году синод вселенской патриархии, по ходатайству сербского правительства, избирает 30-летнего архимандрита Варнаву на кафедру Дебарско-Велеского епископа (Южная Сербия). До Варнавы эту кафедру неизменно занимали греки. Тяжелое это было время для порабощенных сербов, хотя луч полного освобождения уже блестел на горизонте. Правящий епископ в этой области должен был быть не только князем Церкви, но и политиком, дипломатом, консулом, советником. И епископ Варнава блестяще справился со всеми, на него возложенными, задачами и затруднениями, а сведения об его успешном архипастырском служении, через русских консулов, достигали и России. Сам же святейший писал позднее, что в своей необычайно трудной деятельности «неисчерпаемым источником духовной и нравственной жизни и моей самой сильной опорой было то духовное богатство, которое я почерпнул в России».

По поручению своего правительства епископ Варнава снова отправляется в Россию в тяжелый период войны и переживает начало революции. В Харькове он был сердечно принят и обласкан архиепископом Антонием, будущим первоиерархом Русской Зарубежной Церкви. Вместе с владыкой Антонием епископ Варнава объезжает его епархию, посещает церкви и монастыри, общается с духовенством и народом, принимает пожертвования на военные нужды Сербии, на раненых и больных... Проведя более месяца у архиепископа Антония, епископ Варнава едет на север — в столицу, где служит службы в Исаакиевском и Казанском соборах, а Пасхальную заутреню и литургию сослужит с архиепископом Тихоном, будущим патриархом Московским и всея Руси.

Но самым знаменательным событием в жизни епископа Вар-

навы, во время его пребывания в России, было его сопричастие Всероссийскому Московскому Церковному Собору. Таким образом, патриарх Варнава видел Россию во дни ее славы: гостеприимную, сердечную и величественную; видел он Россию и во дни страшной разрухи и неслыханного падения, и не мог примириться со злом, бичуя его на каждом шагу, и до конца дней своих не потерял веры в духовное ее возрождение: «Я часто задаю себе вопрос: виноват ли русский народ, этот доверчивый и добрый народ в гибели своих лучших сыновей и дочерей? И отвечаю я себе на этот вопрос: н е т! Нельзя в этом винить русский народ. В этом нужно лишь видеть Божие испытание, посланное великому народу, из которого он выйдет победителем своих внутренних и внешних врагов».

Из охваченной пламенем революции и гражданской войны России, через Финляндию, Швецию, Англию и Италию прибыл епископ Варнава в Грецию, на Солунский фронт, где сражалось, вопреки революции, 10.000 русских солдат и офицеров, и, вместе с регентом Александром, дождался прорыва фронта и освобождения всех сербских земель от неприятеля.

В 1920 году был избран, наконец, сербский патриарх с титулом «Архиепископ Печьский, митрополит Белградско-Карловацкий, Патриарх Сербский». Им оказался престарелый митрополит Димитрий. В ноябре того же года, «принимая во внимание десятилетнюю ревностную и многоплодную церковную, административную и патриотическую деятельность епископа Варнавы — Архиерейский Собор выбрал его на историческую кафедру митрополита Скоплянского. «Эта митрополия уже несколько лет была без архипастыря, т. к. митрополит Викентий, во время вражеской оккупации, принял мученическую смерть, сожжением на костре.

В это время волна русской национальной эмиграции уже достигла королевства СХС (позднее: Югославия) и митрополит Варнава старается принять в свою митрополию как можно больше русского духовенства. В опустошенные монастыри посылает он русских монахов, главным образом, из известного Валаамского монастыря. Таким образом, при помощи русского духовенства митрополит не только замещает пустовавшие священнические места, но и восстанавливает давно закрытые турками церкви и монастыри. Он добивается возвращения из Болгарии увезенного церковного имущества. Интересен факт приглашения митрополитом Варнавой известного русского

ученого, проф. Н. Окунева, который изучая фрески монастыря Св. Пантелеимона, воздвигнутого в 12 веке, пришел к заключению, что ренессанс в Сербии начался за целое столетие до его появления в Италии.

Зная горячее желание русских людей иметь свой храм, митрополит Варнава предоставляет в их распоряжение одну из городских церквей. Он часто посещает разные русские собрания, исторические поминки, но особенное внимание всегда оказывает «Обществу попечения о духовных нуждах русских».

В 1930 году умер престарелый патриарх Димитрий и 12 апреля, в Лазареву субботу, были назначены выборы нового патриарха. Председательское место на соборе занял Цетиньско-Приморский митрополит Гаврило Дожич [8]). Наибольшее число голосов получил митрополит Варнава. Во время интронизации, в своем слове, он сказал:

«Мы, празднующие сегодня славу нашей Церкви, нашей патриархии, должны помнить, что с нами сегодня участвовала и Русская Церковь, в лице Его Преосвященства Митрополита Антония, великого богослова. Призываю вас помянуть православный русский народ, который страдает, гонимый антихристом!».

Потом патриарх передал митрополиту Антонию орден Белого Орла со словами: «Его Величество король изволил пожаловать Вашему Высокопреосвященству орден Белого Орла. Я вас поздравляю с этим высоким отличием, выражая пожелание, чтобы вы носили его во славу всех православных христиан, и приглашаю всех присутствующих спеть «Исполла эти деспота» [9]).

По поводу избрания митрополита Варнавы на патриарший престол, митрополит Антоний, в одной из своих статей, кроме остального, писал и следующее:

«Его голова и сердце вмещают в себе благие влияния России, Югославии и Греции. Я был с ним близко знаком в бытность свою архиепископом Харьковским; он жил тогда в одной квартире со мной, и мы постоянно совершали службы, чередуясь друг с другом».

---

8) После смерти патриарха Варнавы митрополит Гаврило Дожич стал сербским патриархом. Нужно сказать, что с молодости он неприязненно относился ко всему русскому, и очень осуждал передачу Высоко-Дечанской Лавры русским. Не любил Гаврило Дожич и патриарха Варнаву.

9) Митрополит Антоний был удостоен чести первенствовать во время богослужения.

После интронизации новый патриарх совершил паломничество по святым церквам и монастырям юга, был возведен на престол сербских патриархов в Печи и провел несколько дней в Высоко-Дечанской Лавре. Затем он отправился в «царский» Призрен, где провел свою юность еще как Петр Росич. По возвращении в Белград патриарх не забыл и своих братьев русских и совершил литургии в русских храмах столицы и Земуне. Протоиерей о. Петр Беловидов преподнес патриарху белый клобук со словами:

«Примите, Святейший Владыко, белый клобук, как знак искренней преданности и благородной любви русских».

Отвечая о. Петру, патриарх пояснил, что белый клобук, это символ русских иерархов, в котором белизна означает чистоту, а крест — это крест страданий, который несут русские иерархи.

Еще в 1877 году, когда русские добровольцы сражались за свободу и независимость Сербии под командой генерала Черняева, когда полк. Раевский (изображенный Толстым под именем Вронского) пал смертью храбрых на сербской земле, в Белграде была заложена церковь во имя Св. Александра Невского. Постройка храма затянулась и он был закончен только к тридцатому году. В ноябре 1930 года патриарх Варнава с сонмом русского и сербского духовенства, в присутствии кор. Александра, членов правительства и генералитета освятил церковь. Обращаясь к своему монарху и собравшемуся народу, святейший сказал:

«Русские двинулись из северного Петрограда, с холодных берегов Невы, чтобы прийти на помощь братьям юга, согретые духом Св. Александра Невского».

А в сербских газетах, где о былой России замалчивали годами, вдруг появились статьи вроде:

«Ожили воспоминания времени 1914 года. Царь Николай, — благодетель славянства, защитник православных братьев с берегов Дуная, спаситель бесконечных верениц солдат, беженцев и учеников из пропастей Албании, — воскрес в этот день Своим Святым Ликом!» Но такие излияния любви и благодарности к национальной России и ее монарху, погибшему от злодейской руки, были последними вспышками во мраке забвения. Уже воздвигался памятник «Благодарности Франции, на котором было высечено: «Мы любим Францию — как и она нас любит!» Про бесконечные жертвы России нужно

было как можно скорее забыть... [10])

И до конца дней своих патриарх Варнава оставался покровителем, неизменным другом, отцом и благодетелем обездоленных русских людей. Открывается историческое общество памяти Государя Императора Николая II и патриарх принимает на себя звание почетного председателя, жертвуя довольно большую сумму. Теперь, в 1977 году, начались завершительные работы по росписи Храма-памятника в Брюсселе. Но немногие из нас знают, что святейший Варнава был почетным председателем комитета по сооружению этого храма.

Заканчивая нашу работу, посвященную памяти величайшего друга национальной России и преданного архипастыря Православной Церкви, мы воспользуемся, главным образом, текстом прекрасной книги пок. Владимира Маевского «Русские в Югославии».

В октябре 1934 года, от руки подосланного злодея, погиб король Александр, в 1936 году скончался митрополит Антоний, а в ночь с 23 на 24 июля 1937 года печальный звон Белградских колоколов возвестил жителям столицы, что их последняя надежда исчезла: смерть унесла патриарха-мученика. Страшная, неразгаданная болезнь сломила железное здоровье сербского первоиерарха. Впрочем, венские специалисты, вызванные в «двенадцатом часу», поставили диагноз: «отравлен!»

Хотя король Александр и патриарх Варнава нередко расходились во взглядах [11]), но оба они не только понимали, но и ощущали тот простой факт, что без национальной России — Югославия, это здание непрочное! И непрочность эта выяснилась с полной силой за 4 года до войны. Председатель совета министров, Стоядинович, серб и православный, внес в Народную Скупщину (Государственная Дума) проект конкордата с Римом, который задевал кровные интересы Сербской Православной Церкви. И на ее защиту во весь свой могучий

---

10) Пишущему эти строки вспоминается следующий случай, происшедший вскоре после смерти патр. Варнавы. Из Парижа в Белград приехал на гастроли русский театр миниатюр. На первом представлении директор Я. Южный вышел к публике и начал говорить по русски. И сразу же из зала со всех сторон послышались грубые окрики: «Говори српски! Говори по сербски!» Южный не растерялся, с расстановкой, ответил «Да-а-а... В 1914 году вы все говорили по русски, а теперь что-то скоро забыли язык ваших спасителей!»

11) После трагической смерти короля Александра с нетерпением ожидали вскрытия его завещания, предполагая, что патриарх Варнава будет назначен одним из регентов. К величайшему разочарованию сербских патриотов этого не случилось. См. работу того же автора «Марсельское злодеяние» — «Кадетская Перекличка», журнал № 10/1974.

рост поднялась исполинская фигура патриарха Варнавы. Чрезвычайный Архиерейский Собор наложил на Стоядиновича запрещение и как раз в это время святейший тяжело заболел. Народная Скупщина, в которой было немалое количество депутатов католиков, а были и мусульмане, все-таки приняла конкордат, но был он «похоронен» сербами в Сенате: борьбу выиграл святейший своей мученической смертью. Офицерский состав армии поддерживал патриарха, а поэтому военные не допустили на похороны ни одного члена правительства и потребовали убрать с улиц усердствовавших жандармов. А потрясенный православный сербский народ, на всем пути погребальной процессии, как один человек, стоял на коленях, провожая в последний земной путь своего архипастыря.

КРАТКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ.

В этом биографическом очерке, посвященном самому выдающемуся (не русскому) православному первоиерарху 20 столетия, человеку большого ума и широкого кругозора, я постарался использовать его свидетельства и некоторые другие факты, чтобы показать, сколько в течение ряда столетий Россия и Русская Православная Церковь сделали для своих единоверных братьев славян, когда они были в беде, и что за это получили!

Да не упрекнут меня некоторые читатели в славянофобстве. Вырос и провел лучшие дни своей жизни я среди сербов, люблю их страну и считаю своей второй родиной. Но факты — остаются фактами: ни один век лилась кровь лучших сынов за свободу и независимость южных славян. Даже сугубый пацифист — Л. Н. Толстой послал своего Вронского сражаться на Балканы против турок [12]). А когда Россия очутилась сама в беде — эти же братья славяне от нее отступились.

Во время гражданской войны Вооруженными Силами на Юге России рассматривалась возможность использования сербских и болгарских частей в Новороссии и в Крыму, в

12) Белградский журнал «НИН», от 4/7-1976 г., сокрушается, что часовня воздвигнутая на месте гибели полковника Раевского-Вронского на Адровце, близ Алексинца, лежит теперь в развалинах и пастухи, в непогоду, загоняют в нее своих овец. Но тот же журнал, без всяких комментариев, сообщает об открытии мемориальной доски с надписями на сербском, греческом и французском языках на острове Корфу, где, после страшного Албанского перехода, высадились Сербские войска и беженцы. Очевидно, для надписи на языке спасителей на доске не хватило места!

1919-1920 годах. Но, в конце концов, даже символического отряда не было выставлено братьями славянами, в то время как на стороне большевиков сражался свободный Сербо-Славянский батальон, о чем, с гордостью, повествовала Белградская печать несколько лет тому назад.

Др П. Н. Пагануцци,
Крымского К. К.
Проф. Вермонтского ун-та.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1. «Гласник Српске Православне Патриаршиjе». Београд, бр. 12 и бр. 13.
2. «Српска Православна Црква у прошлости и садашности (Беседа Негове Светлости патриjарха Српског Варнаве)», Сремски Карловци, 1935.
3. «Споменица Великана Православля Н. Св. Варнаве», Београд, 1937.
4. Прота Никола Попович, «Личне успомене (Белешке)»...
5. Вл. А. Маjевски, «Српски патриjарх Варнава и негово доба», Оснек, 1933.
6. Вл.Маевский, «Русское зарубежье Святейшему патриарху Варнаве, по случаю 25-летия епископского служения», 19»6.
7. Вл. Маевский, «Русские в Югославии», Нью-Йорк, 1966.
8. Вл. Маевский, «Сербский патриарх Варнава и его время», Новый Сад 1931? (Текст книг под 5 и 8 не идентичен полностью).
9. «Свети Сава». Издание Св. Архиерейского Синода Сербской Православной Церкви, с предисловием патриарха Варнавы, Сремски Карловцы, 1935.
10. Личные воспоминания и другой материал.
11. «Русская Зарубежная Церковь». Издание Общества «Православное Дело», 1960 год.
12. «Голос Пастыря», Сан Пауло, Бразилия, 1935, 1936, 1937 года.
13. Слово Святейшего Патриарха Варнавы, «Царский Вестник», Белград, 1930 г.

Примечание: Считаю своим долгом выразить свою благодарность протоиерею о. Алексию Шевченко (Сербской службы), который помог мне подобрать нужный материал для этой работы.

РУССКИЕ КАДЕТЫ — СЕРБСКИМ ДЕТЯМ.

(Зальцбург, 1948-ой год, декабрь)

В лагере Глазенбах, в окрестностях города Зальцбурга, был устроен танцевальный вечер с музыкально-вокальной программой. Весь чистый сбор предназначался на помощь нуждающимся сербским детям.

Инициатива устройства этого вечера принадлежала А. В. Томилину, кадету Михайловского Воронежского кадетского корпуса и окончившего в 1920-ом году в первом выпуске Русский кадетский корпус в Королевстве С.Х.С. в городе Сараево. А. В. Томилин был заведующим лагерем «Д.П.» в Гла-

зенбахе и благодаря его связям с Американской администрацией устроителям были предоставлены для танцевального вечера лагерный театр, для банкета — столовая, а для приглашенных гостей из сербского лагеря комнаты в лагерном госпитале. Для посетителей банкета и танцевального вечера из лагерей в окрестностях Зальцбурга транспорт был тоже предоставлен Американской администрацией.

В столовой были накрыты столы для участников банкета. Скромная сервировка скрашивалась поставленными национальными флажками и веточками свежей ели и дуба с пожелтевшими листьями. На каждом приборе лежала именная карточка.

Помещения театра и столовой были декорированы гирляндами из ветвей ели, что придавало уют и скрывало убогость барачной архитектуры. На стенах театра были развешены погоны всех кадетских корпусов, окаймленные ветками ели; на фоне национальных флагов, против сцены, был помещен большой портрет Короля Александра. Сцена была тоже декорирована. Лотерея, киоски, бочка счастья и другие игры, дополняли нарядность. Располагая ограниченными средствами и декоративным материалом, декораторам все же удалось скрыть всю непривлекательность барачного вида. У стен были расставлены маленькие столики со стульями, а посредине — рядами скамьи. Все было приготовлено для вечера.

Банкет был назначен на шесть часов вечера. К этому часу стали прибывать в помещение столовой приглашенные гости и кадеты.

Были приглашены бывшие министры Королевского кабинета, личный адъютант Короля Александра полковник Попович, офицеры Югославской армии, представители общественности, администрации лагерей и многие другие лица. Более ста кадет собрались из разных лагерей окрестности Зальцбурга, главным образом из лагеря «Парш», в котором было около 2500 русских беженцев.

В ожидании начала банкета кадеты знакомились со своими гостями и занимали их разговорами, вспоминая о жизни в Югославии.

Ровно в шесть часов все кадеты по команде старшего стали в строй, выстроившись в две шеренги, заняв почти всю длину помещения столовой. На правом фланге стали кадеты с русским и югославским национальными флагами. Перед строем стояли группами приглашенные гости. Среди группы юго-

славских офицеров, стоящей против правого фланга, был полковник Попович.

Раздалась команда «Смирно». Умолкли разговоры. Водворилась торжественная тишина. Все присутствующие с напряженным вниманием ожидали дальнейшего.

«Дорогие гости братья Сербы!» — Обратился к присутствующим старший кадет. «Мы, бывшие кадеты Российских кадетских корпусов, в Королевстве Югославия пригласили вас на этот скромный банкет с целью принести благодарность в вашем лице Стране и Народу, давших нам, кадетам, приют в дни великих потрясений, когда мы, после неравной борьбы русских патриотов против интернациональных негодяев, принуждены были оставить свою Родину Россию и уйти в добровольное изгнание. Особенную благодарность изъявляем мы вашему Королю, а нашему Высокому Однокашнику, Александру Карагеоргиевичу, даровавшему нам возможность сохранить кадетские корпуса с их старыми традициями и укладом жизни. Благодаря его покровительству, кадетские корпуса существовали четверть века в Королевстве и дали возможность получить образование и национальное воспитание русским юношам.

Танцевальный вечер, на который мы вас тоже приглашаем, устраивается с благотворительной целью и весь сбор будет передан на нужды детям ваших соотечественников и будет являться скромным даром от нас, кадет, в память того, что мы получили в свои юные годы в вашей стране от вашего народа и от вашего и нашего Короля Александра, а память о нем мы свято храним в наших сердцах. Слава Королю Александру, Королю Рыцарю!»

«Слава ему!!!» — ответили все присутствующие.

Склонением национальных флагов отдана была почесть памяти убиенного Короля.

Старший кадет, подойдя к группе офицеров, обратился к полковнику Поповичу с просьбой принять роту. Полковник, видимо, был очень тронут оказанным ему вниманием. В сопровождении старшего кадета и главного распорядителя, он прошел перед строем и, вернувшись к середине роты, приветствовал стоящих в строю кадет: «Здравствуйте кадеты, мои однокашники!»

«Здравия желаем, господин полковник!» — громко и дружно ответили кадеты, вспомнив свои кадетские годы.

Полковник обратился к строю кадет и присутствующим гостям с приветственным словом. Вспомнил он о своих кадетских годах, проведенных в кадетском корпусе в России. Говорил о значении Императорской России в жизни Королевства; о трагедии, переживаемой русскими людьми, покинувшими свою Родину и отношении к ним Короля Александра, о Его заботе о русской молодежи, упомянув о институтах и кадетских корпусах... В заключение сказал, что им, сербам, суждено переживать теперь то же, что переживали русские люди в 1920-ом году, покидая свою Родину. Затем передал благодарность генерала армии Брашича за приглашение и его сожаление, что ввиду болезни он не мог присутствовать на банкете и балу. Заканчивая свое обращение, полковник поблагодарил за внимание, оказанное ему и его соотечественникам, пожелал всем здоровья, всякого благополучия и успеха в жизни.

«Покорнейше благодарим, господин полковник!» — ответили ему кадеты.

Строй был распущен. Всех попросили к столу. Распорядители указали места гостям. Скромное меню не смутило ни гостей, ни хозяев. На столе все-таки было, что выпить и чем закусить. Произносились тосты, здравицы... шла оживленная беседа. Забылось, что находились в бараке-столовой лагеря «Д.П.». В приятно-дружеском настроении присутствующих, проходило время и незаметно подошло к восьми часам. Банкет закончился и всем предложили перейти в театральный зал. Гостей, присутствовавших на банкете, просили занять места в первых рядах. Помещение столовой быстро было превращено в «гостиную» и устроен буфет. На стойке появились различные закуски, бутылки с крепкими и сладкими напитками — дар американской администрации лагеря.

Заранее, до начала концерта, публика прибывала и занимала место в театральном помещении. Вскоре все места были заняты. Публика подходила. Распорядители приносили добавочные скамейки и рассаживали запоздавших. Места за столиками были тоже все заняты.

В 8.30 звонок оповестил о начале концертной программы и занавес сцены поднялся. Конферансье приветствовал и оповестил публику о благотворительной цели проведения этого концерта и танцевального вечера. Программа концерта состояла из двух отделений. Участвовали в ней кадеты и приглашенные артисты театральной группы лагеря Парш, любезно согласившихся принять в ней участие. Публика тепло встре-

чала выступающих и награждала их исполнение аплодисментами. В антракте было предложено посетить буфет и поиграть в лотерею, бочку счастья и другие игры. После антракта продолжили концерт. Выступления участников в программе второго отделения тоже имели успех и публика долго не отпускала исполнителей со сцены, выражая свою благодарность, за доставленное удовольствие, аплодисментами.

Занавес закрылся. Конферансье, выйдя на авансцену, попросил публику остаться на танцы, посетить опять буфет и испытать свое счастье в играх.

Театральное помещение освободили от скамей и приготовили для танцев. На сцене разместился оркестр. Занавес открыли и оркестр заиграл вальс. Начались танцы. Пары закружились в вальсе и вскоре все помещение заполнилось кружащимися парами. Оркестр играл почти без перерыва, исполняя различные танцы. Несколько раз играли «Коло» — сербский национальный танец. Танцевали его с большим энтузиазмом, что вносило оживление и поднимало настроение. Царило общее веселье. Были забыты все невзгоды лагерной жизни.

Лотерея, бочка счастья и другие игры заинтересовали публику и все было закончено в рекордное время. Особенным успехом пользовался буфет. Тоже все было быстро распродано и многие жалели, что не успели попробовать вкусных закусок и «приложиться» к американским напиткам.

Танцевальный вечер подходил к концу, но публика просила продолжить и не хотела покидать помещение. Было около четырех часов утра, когда устроителям пришлось притушить свет и объявить, что автомобили не могут больше ждать пассажиров и, что опоздавшим придется идти пешком. Только это заявление подействовало на публику. Прощаясь, благодарили устроителей за доставленное удовольствие и весело проведенное время.

Приглашенные гости – сербы остались ночевать в предоставленных им комнатах лагерного госпиталя. Утром, во время завтрака, они поблагодарили устроителей кадет за оказанное внимание, доставленное удовольствие и были весьма тронуты, что кадеты не забыли гостеприимства их страны, Короля и народа. После завтрака, попрощавшись, отбыли в свой лагерь на автомобилях, предоставленных американской администрацией.

Устроители были нравственно удовлетворены успехом, ко-

торый имел танцевальный вечер с музыкально-вокальной программой, проведенный под лозунгом: «Русские Кадеты — Сербским Детям».

Материальный успех тоже был хороший. Собранную сумму денег (австрийских шиллингов) отвезли в Сербский лагерь «Д.П.» и передали генералу-армии Брашичу.

Генерал — инвалид, принимая дар от кадет, просил передать благодарность от его соотечественников всем кадетам за память и дар для детей.

После приема у генерала, кадет пригласили в Офицерское Собрание на «црну кафу». Присутствующим в Собрании офицерам, кадеты передали большой портрет Короля Александра 1-го на память от кадет Русских кадетских корпусов в его Королевстве. Портрет повесили на главной стене Собрания и окаймили его Русским и Сербским национальными флагами. С благодарностью приняли офицеры дар от Русских кадет.

После завтрака, по обычаю предложили «црну кафу». Выпив «кафу» и попрощавшись с гостеприимными хозяевами, кадеты покинули Офицерское Собрание.

В. С. Данилов.

ЧТО ДЕЛАТЬ.

В 19-ом веке, в период великих реформ, вышла в свет книга Чернышевского: «Что делать?» Она была очень слаба в художественном и литературном отношении, но постановкой такого вопроса этот роман оказал огромное влияние на современную ему молодежь. Началось хождение в народ и разгорелся революционный террор.

В первые годы анти-коммунистической эмиграции, постепенно угасли мечты о скором падении советской власти. Мечты о скором возвращении на родину, где, как-то сами собой, исчезнут коммунисты и мы приедем делить шкуру не нами убитого медведя. И тогда, тот же самый вопрос — что делать — стал мучить лучшую часть нового поколения. Каждый по своему находил решение и включался в борьбу. От этого периода нам остались светлые примеры жертвенности и мученической смерти.

После Второй Мировой войны перепутались все карты и настала пора безнадежности и разочарований. Все эмигранты старались уйти, как можно скорее и как можно дальше, от

границ советского рая. У многих это был смертельный страх выдачи и возвращения в страну, где якобы так привольно живет и дышет советский человек. Расселившись по всем свободным странам мира, русская эмиграция стала наверстывать потерянное время. Всем хотелось забыть все прежние ужасы и пожить без нужды лишь для себя и своей семьи. За это время были созданы многие организации по признаку общих воспоминаний, но не было никаких новых политических идей. Русская эмиграция ушла в быт...

Так мелькали года и все шли своим путем, — как здесь так и там на родине. Но вот недавно стали приходить вести о больших сдвигах в национальном самосознании подсоветского человека. Об этом говорят новые эмигранты, говорят туристы, пишет самиздат и тамиздат. И в западном встревоженном мире, не понимающем в чем спасение, усилилась кампания руссофобства и пропаганда расчленения будущего Российского государства. И перед нами опять встает этот вечный вопрос:

А что же делать нам?

Анализируя общее положение нужно прийти к выводу, что всякая политическая работа сейчас должна идти на два фронта: по ту сторону железного занавеса и по эту, на западе. Здесь в последнее время особенно усилилась анти-русская кампания. Считая Русскими лишь великороссов, многие «специалисты» по восточно-европейским делам ставят знак равенства между ними и коммунистами. В доказательство своей правоты они цитируют извращенную историю, созданную фантазией самостийников Помогают им в этом и некоторые диссиденты из третьей волны. Периодически в эмиграции вспыхивает горячая полемика о Русском национализме и невозможности сохранения Единой Неделимой России. Включая в это понятие балтийские страны, Польшу, Венгрию, Чехию и даже, вероятно, Афганистан, они доказывают свою точку зрения. Правильнее сначала говорить лишь об единстве трех главных ветвей Русского народа: великороссии, малороссии и белоруссии. В этом случае исторически их труднее разъединить чем когда-то было соединить. Ведь за последние двести лет никогда не было в Малороссии чисто национальных украинских волнений. Во время польского восстания средины 19-го века только незначительная часть ополяченных белоруссов поддержала поляков. Во время гражданской войны ни одно украинское течение не имело успеха и не было

поддержано населением. В Белой Армии, черпавшей свои силы в южно-русском населении, не было даже намека на украинский сепаратизм. Во всех эмигрантских учебных заведениях большинство было родом с юга России. Они любили петь малороссийские песни и ставили украинские пьесы, но всякое упоминание о самостийности вызывало только добродушные шутки.

Недавно, такой анти-коммунист как ген. Григоренко, писал об оккупации Украины Русским государством. А история учит нас, что до объединения под властью царей, Украина никогда не была единым независимым государством. Правобережная была польской, Слободская всегда московской, а Левобережная под протекторатом Польши. Новороссия же освоена общими усилиями, а заселена украинцами, которые состояли из малороссов, обрусевших греков и сербов, евреев, немцев и, потерявших свои северные особенности, великороссов. Так какую же часть и когда оккупировало Российское государство? За время татарского ига из всех частей Русской Земли только Господин Великий Новгород в течение более двухсот лет был независимой демократической республикой и успешно защищал северные земли от шведов и тевтонского ордена. А во время борьбы с Московским княжеством за независимость во главе стояла женщина — Марфа Посадница, что по нынешней терминологии равно премьер министру. Это было тогда, когда в Европе еще и не думали о демократии. До татарского ига всей Русской землей, включая Малую Русь, Волынь и Галицию, управляли князья Рюриковичи. Тогда каждый служилый человек был волен переходить на службу от одного князя к другому и нигде не чувствовал себя иностранцем. Только при татарском иге наши судьбы пошли в разные стороны. Это внесло внешние различия, но не изменило духовной сущности. Таким образом не может быть компромисса в нашей позиции единства трех ветвей Русской национальности, которым всем вместе принадлежит жемчужина империи — Сибирь. А окраинные народы должны будут сами решать хотят ли они жить в рамках Российского государства и пользоваться всеми богатствами этой великой страны. Сложнее вопрос о национальностях вкрапленных внутри границ единой России. Вряд ли будет практически возможно создание из них независимых государств на подобие Южной Африки. Скорее это будет лишь вопрос о размерах внутренней самостоятельонсти этих национальных образований.

Гораздо труднее вопрос борьбы за железным занавесом. Пожалуй лучший путь, есть путь печати и эфира, которым уже пользуются наши враги и друзья. Недавно пришла весть что Архиепископ Антоний Женевский начинает радио-передачи в Советский Союз. Пожелаем ему успеха и все постараемся ему помочь. Помочь материально и личным идеологическим участием. Это особенно важно, так как наша православная церковь главным образом славна своими подвижниками, а не миссионерством, в чем не имеет большого опыта. Защита и расширение православия проводились в Российской империи не церковью, а покровительственными законами государства.

Со всех сторон мы слышим, что Русский народ огрубел и морально опустился. Иначе оно и не могло быть после многих десятилетий власти режима основанного на лжи и обмане. Но сейчас, по всем признакам, начинается духовное оздоровление, и мы должны этому помочь. Нужно вернуть в их истинном смысле понятия добра, зла, правды и справедливости. После ужасов и обманов революции, мы искренне повторяли с Гумилевым: что «как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова». Но теперь нужно понять, что многие из этих прекрасных слов не мертвы, а лишь запачканы и извращены революционными демагогами. Ведь даже такие слова как свобода, равенство и братство сначала пришли из Божественного откровения, как свобода воли и выбора, как равенство всех перед лицом Божиим, как братство всех детей Божьих. Эту Божественную мораль, старую, но забытую за эти тяжелые годы Русским народом мы должны нести на нашу родину. Мы должны серьезно отнестись к этому начинанию и все вместе протянуть руку всем ищущим правильный путь добра и братской любви и стремящимся к моральному оздоровлению.

Но мы знаем, что не легка наша задача. За все эти годы отцы постарели, а дети отошли от Русской жизни. Несмотря на жертвенные усилия многих родителей и церковно-национальных организаций у нас почти нет русско-язычной смены. У наших детей и внуков Русский язык стал в лучшем случае языком иностранным. Но вера отцов и любовь к земле предков у многих еще остались. Они не могут быть Иванами не помнящими родства, особенно здесь в Америке, где большинство гордится страной своих предков. И вот на этой базе нужно постараться зажечь в них гордость прошлым России

и желание бороться за ее судьбу. Бороться на языках тех государств, где они живут, на тех языках на которых они думают и говорят. С помощью старшего поколения пусть они сначала хотя бы путем переводов с Русского языка национально направленных статей и докладов несут правдивые сведения в западный мир. Они должны разрушить мифы о порочности и захватнических инстинктах Русского народа, и отстаивать единство его трех ветвей. Мы должны организовать эту борьбу за правильное понимание Западом нашей истории и будущей национальной России. Привлекая нашу Русско-американскую смену мы сможем постепенно передать им эту часть борьбы за Россию.

И уже есть с чего начинать. Как будто впервые намечается правильный путь. Только что в Сиракузах по инициативе Конгресса Русских Американцев прошло совещание Русских национальных организаций. Был образован комитет связи с целью согласования наших действий в плане общих для нас интересов. Этот комитет может помочь и старшему русскоязычному поколению в его работе за проржавевшим железным занавесом. Эта работа должна вестись в духе непредрешенства будущей политической системы в освобождении России. Такой подход исторически оправдал себя в нашей эмиграции. Вопреки распространенному мнению Белая Армия не стояла на этой платформе. Провозгласив борьбу за Единую Неделимую Россию она оставаалсь лояльна нашей Императорской России и послушна завету ее последнего законного представителя на Русской земле. В этом завете Вел. князь Михаил Александрович оставил на усмотрение Учредительного Собрания вопрос о будущем образе правления. Путь непредрешенства впервые указал ген. Врангель, сам в душе монархист, чтобы уберечь армию от партийных разногласий. С легкой руки Кусковой многие считают, что непредрешенец это тот, кто не знает чего он хочет и готов идти за большинством будущей России. Такой взгляд в корне не верен, так как при непредрешенстве каждый выносит за скобки свои личные убеждения о будущем строе во имя общей борьбы с коммунизмом. Поэтому такие организации оказались более сильными и многочисленными в эмиграции. Каждый член таких организаций мог исповедывать любые убеждения, но объединялся с другим во имя того общего, что было между ними. Так и теперь; нет запрета входящим в комитет исповедывать свои предрешенческие идеи, но общая работа дол-

жна вестись лишь в плоскости морального и этического оздоровления. Это особенно важно еще и потому, что без возврата к религии вряд ли возможен в России любой национальный и особенно монархический образ правления.

Но никто за нас этого не сделает. Поэтому для конечного успеха каждый из нас должен сделать три важных решения: первое, что он обязан принять в этом участие; затем взять на себя посильную часть этой борьбы, и, наконец, нести свою ношу до конечной победы. Тогда наша смена здесь, а мы там, добьемся того, что духовное оздоровление в Советском Союзе коснется и высших военных кругов, а весь Запад наконец поймет что только крепкая национальная Россия поможет всему миру пойти не к катастрофе, а к лучшему будущему.

Сергей Третьяков.

(Заключительная часть доклада, прочитанного в Лос Анжелесе 7-го ноября 1982 г. в день Непримиримости)

ИЗ ПРОШЛОГО.

На Ямской — главной улице города Торжка *) в прежние времена находился (находится кажется и теперь) большой много-оконный дом, принадлежавший потомкам известного ученого, президента Императорской Академии Художеств, Александра Николаевича Оленина (1763-1843). Этот дом в первой половине прошлого столетия был, своего рода, одним из культурных центров тогдашней России. Здесь бывали Державин, Жуковский, Пушкин, бывшие друзьями этой семьи. Пушкин одно время ухаживал за А. А. Олениной (дочерью Александра Ник.), делал ей даже предложение и, как говорят, именно с нее написал свою Татьяну Ларину.

В сороковых годах прошлого столетия этот дом стал местом, где разыгралась одна романтично-трогательная, кончившаяся трагично, история, наделавшая в то время много шума. Главным действующим лицом ее был сын знаменитого Шамиля — вождя кавказских горцев, поднявших восстание против русским.

В одной из стычек с горцами, казаками был захвачен в плен

*) Торжок, до революции уездный город Тверской губернии, расположенный на главной шоссейной дороге Москва-Петербург. Один из старейших городов России, — в летописи в первый раз упоминается под 1015-ым годом.

сын Шамиля, Джемаль Эддин Шамиль, еще мальчик. Об этом было доложено императору Николаю 1-му, который приказал доставить Джемаля в Петербург и определить его там в 1-ый Кадетский корпус.

Война русских с Шамилем продолжалась, как известно, больше 25-ти лет, Джемаль за это время успел окончить корпус, стать русским офицером и стал если не русским, то человеком русской культуры. Он вышел во Владимирский уланский полк, расквартированный в Торжке. Там Джемаль встретился с Елизаветой Петровной Олениной (дочерью друга Пушкина, П. А. Оленина, сына Александра Ник-ча). Во времена Пушкина она была еще девочкой. О ней он тогда писал: «Ходит маленькая ножка, Вьется локон золотой».

Джемаль и Лиза полюбили друг друга и стали женихом и невестой. Перед свадьбой Джемаль должен был принять православие. Но свадьбе не суждено было состояться. В это время Шамиль в один из своих набегов захватил в плен семьи известных грузинских князей — Орбелиани и Чавчавадзе, близких русскому царскому двору, и предложил их обменять на своего сына.

Николай 1-ый поступил жестоко, не пожалел обрученных и несмотря на все их мольбы, приказал выдать Джемаля Шамилю. По приказанию отца Джемаль был отвезен в аул и там, как изменник посажен в глубокую яму, где и окончил свою жизнь.

Интересна дальнейшая судьба и конец самого Шамиля.

Летом 1859 года русские войска под командой ген. Н. И. Евдокимова, получившего впоследствии графский титул, окружили последнее убежище Шамиля — гору Гуниб с аулом того же названия, где он засел со своими мюридами. Шамиль недаром выбрал г. Гуниб: казалось, что забраться на нее нет возможности. Две тропинки, круто поднимавшиеся в гору составляли единственный путь к вершине. Отряд Евдокимова, преодолевая все трудности, неся большие потери от огня горцев, засевших в местах совершенно недоступных снизу, продвигался вперед. 17 августа ген. Евдокимовым было послано Шамилю предложение о сдаче. Ответ Шамиля был, что он никогда не помирится с русскими и требует для себя и своих мюридов свободного пропуска в Мекку. Но несмотря на все препятствия русские взобрались на гору Гуниб. Оставалась только самая верхушка горы, почти отвесная скала, а на ней аул Гуниб. Штурмовать ее казалось делом безнадежным. Од-

нако апшеронцы-охотники преодолели и это, — пользуясь веревочными лестницами с крючьями, осыпаемые пулями, камнями, бревнами, они достигли верхушки. Началась жестокая рукопашная схватка, каждую саклю нужно было брать с боем. Шамиль, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, наконец сдался. Это было 26 августа 1859 года.

Государь Александр 2-ой в это время находился в г. Чугуеве, туда был доставлен Шамиль. Государь принял его очень милостиво, обнял его, поцеловал и приказал вернуть ему его «хурду», т. е. шашку, которая и была здесь же на него надета. Этот эпизод послужил темой для известной картины (если не ошибаюсь Верещагина) После этого свидания Шамиль вместе со своими приближенными мюридами был отправлен в Калугу, которая была назначена местом его пребывания. В его распоряжение был предоставлен большой трехэтажный дом. Ему было назначено годовое содержание в 15 тысяч рублей сумма по тем временам порядочная. В качестве уполномоченного от государя к Шамилю был приставлен полк. Богуславский, а также переводчик.

Шамилю в Калуге была предоставлена полная свобода. Он часто ездил верхом, восхищая знатоков верховой езды своей гордой «кавказской» посадкой. Как рассказывают современники, он был очень любознателен и интересовался всем. Его можно было видеть в театре, он любил цирк, посещал школы и везде держался с большим достоинством. Он любил музыку, но как ни странно, ему не нравилась громкая военная музыка. Как-то будучи на балу, пораженный видом декольтированных дам, он спросил полк. Богуславского: «Неужели им не холодно?» Он любил детей и солдат. Во время прогулок он любил одаривать сластями встречающихся детей. С солдатами же он любил поговорить, в особенности с теми, которые побывали на Кавказе. Он довольно быстро начал сносно говорить по-русски. У Шамиля установились хорошие отношения с калужским губернатором, В. А. Арцимовичем, а с предводителем дворянства Щукиным они стали даже «кунаками».

В Калугу Шамиль привез трех жен. Одна из них была армянка и (как говорили видевшие ее) отличалась исключительной красотой. Шамиль называл ее «Дурри-гарем», что значит «жемчужина гарема». Жены Шамиля иногда ходили по городу, заходили в магазины, летом гуляли в городском саду.

В Калугу с Шамилем приехали также и два его сына: Аб-

дурагим и Абдурахман. Они не оказались на высоте и много неприятностей доставляли старому отцу: быстро ознакомившись с отрицательными сторонами городской жизни, — научились играть в карты, на бильярде и проводить время не в подходящем для них обществе.

Шамиль прожил в Калуге семь лет. 26 августа 1866 года он принял русское подданство и принес присягу на верность России и Государю. Его никто не принуждал, он пошел на это добровольно. Не вспомнил ли он в тот момент своего несчастного старшего сына, которого за то же самое посадил когда-то на смерть в яму? Причем Джемаль был тогда молодым юношей, а он это сделал уже стариком...

Вскоре после этого Шамиль, уступая просьбам своих жен, которым не нравился суровый климат Калуги, переехал в Киев.

Давнишней мечтой Шамиля было поехать на богомолье в Мекку. В 1870 году он получил на это разрешение от государя и выехал туда в сопровождении нескольких своих приближенных. Он скончался в Медине в 1871 году, 73-х лет от роду.

Так закончилась жизнь одного из главных героев эпохи покорения Кавказа.

Борис Павлов.

УСТАЛЫЕ КРЫЛЬЯ.

Мы серые птицы, когда-то летали,
Легко подымаясь, в безбрежную даль,
Но годы промчались и крылья устали
И сердце сковала — немая печаль.
Другие летят, перелетные птицы,
Туда, где нет бурь и, где вечно весна
Под ними мелькают, моря и границы,
Но сильным их крыльям — та даль не страшна.
Когда-то, мы тоже, легко так летали,
Могучими взмахами крыльев своих,
Туда, где мы радость и счастье узнали,
Средь стаи — таких же, как мы молодых.
Теперь же — крылами, усталыми машем,
Но знаем, что нам уж лететь не дано
И в этом бессильном, сознании нашем,
Нам ясно, что Счастье — навеки ушло.
Но хочется раз... Только раз еще взвиться,
Туда к облакам, где все в ярком огне,
Там крылья сломить — и упасть и разбиться,
Заснуть навсегда — на кровавой скале.
Мы серые птицы, мы птицы печали
И крылья у нас — все горят серебром,
Мы много летали, мы очень устали,
Нам нужно смириться — забыв о былом.
9-10-76
Бразилия.

Крымского К. К. 8-го выпуска.
К. Бертье-де-ла-Гард

ГОЛЛАНДСКИЕ ЗАПОРОЖЦЫ.

Пригнись, станица....

Бывало, под вечер — соберутся охотнички, настреляв доброй дичи в плавнях Дона, усядутся кружком, чистя свои охотничьи доспехи, вот и потечет незаметно беседа в обнимку были с небылицею. Охотничий рассказ неукрашенный выдумкой и слушать скучно. И всегда найдется поведун заливисто-цветистый с придумкою безудержу. А кто-нибудь молчали-

вый слушает, слушает, да как гаркнет во все горло:

«Пригнись станица, брехня летит!..

Здоровым хохотом одобрения покроется этот возглас, а виновник только рукой махнет: мол, не оценили.

А теперь я попрошу нашу «Кадетскую Станицу», чтоб потерпела, — и я расскажу занятный случай.

Как бывает: началось с пустяка. Приехал я погостить к своему закадычному другу еще из Корпуса, Вике Будде, которого мы имели удовольствие видеть на последнем 7-м нашем Съезде. Нужно сказать, что Вика, он же Местмахер, барон, и, впридачу, инженер, почтеннейший глава семейства и семьянин. Но есть и у него изъян — всю жизнь, после университета носит в голове логарифмическую линейку и без нее думать не может. Отсюда аккуратная точность мысли и без излишеств. Его милая супруга носит красивое имя «Светлана», хоть и урожденная бельгийка, поспешила пригласить нас к вечернему чаю. Не буду рассказывать о красивой сервировке стола, продуманной со вкусом и любовью, где каждая вещь носила печать эстетической культуры хозяйки. Перейдя затем в салон, и удобно расположившись в креслах, вокруг низенького столика с большим букетом цветов, незаметно потекла беседа, как бывает у друзей после долгой разлуки. Перескакивая с темы на тему, речь зашла и об искусстве и в частности о живописи, тем паче, что часть моей души в виде картины моря висела тут же. Кстати или нет, я заговорил о своем родном дяде (по матери), Якове Ивановиче Бровар. Услышав эту фамилию супруга Вики насторожилась и заметила: «Ведь это же известная фамилия наших бельгийских пивоваров. Есть они и здесь, в Льеже. Несколько удивленный неожиданным замечанием, я смог лишь ответить, что фамилия не русская, и откуда она оказалась на Украине. Это заставило меня вспомнить о прочитанной статье в одной газете, в которой обстоятельно рассказывалось об истории пива и, что родина его вовсе не Германия, а Фландрия, теперешняя Бельгия.

В сокращенном виде передаю то, что я запомнил из рассказа, которому раньше не придал никакого значения.

Случилось одному немецкому владетельному принцу быть гостем тоже у владетельной персоны во Фландрии. В разгар турнира, гость утомленный зрелищем рыцарской доблести, когда с треском ломались копья, панцыри и рыцарские кости, захотел пить. День же выдался на редкость солнечным и

жарким. На поле же турнира ничего не оказалось прохладительного, кроме крестьянского питья, которое развозилось в бочках на ручных тележках продовцами среди глазеющей толпы. Принц-хозяин ничего не мог предложить, и смущаясь сказал гостю, что есть только этот, крестьянский напиток. Но жажда была сильнее снобизма, и гость получил в руки огромную глиняную кружку, золотистого напитка с шапкой белоснежной прохладной пены. Не трудно понять с каким наслаждением немец утопил в ней густую щетину своих рыжих титулованных усов и, не отрываясь до дна, осушил литровую криглу. Крякнув от удовольствия, он попросил повторения. Утолив так успешно мучавшую его жажду, он выразил настойчиво желание постоянно иметь этот чарующий напиток в своем королевстве. Уезжая домой, повез с собой бочку пива, и, впридачу, мастера-пивовара, как лучшего из этого места Фландрии. Фамилия этого пивовара была Броуэр. К сожалению, о дальнейшей судьбе его можно лишь гадать, но пивными кабачками со временем покрылась вся Германия. Под общим им всем названием: БРОУЭРЕЙ.

Незаконченная повесть о пивоваре дала мне повод спросить свою сестру, жившую в Киеве — слыхала ли она что-либо о Броварах-пивоварах, т. к. недалеко под Киевом есть местечко «Бровары», а ударение указывает, что мог быть не один Бровар в этом месте, а целый их клан.

Ответ был для меня неожиданный: в Музее Эрмитаж в Петрограде висят несколько картин фламандского художника Андреаса Бровара. К стыду сознаться я о нем ничего не знал.

Тогда я обратился за помощью к другу, любителю генеалогических раскопок. Постоянно проживая в Париже, и свободный от занятия пенсионер, он целые дни проводил в Национальной Библиотеке, в которой можно отыскать все со времен нашествия варваров. Поэтому он без труда отыскал некоторые данные о художнике Андреасе Броваре, умершем весьма рано, в 32 года.

Художник Андреас Бровар был личностью незаурядной. Он был близок двум знаменитостям того времени, художникам Рубенсу и Францу Галлсу. И тот и другой покровительствовали молодому Броверу и даже приобрели с десяток его картин. Он не был лирическим мечтателем, а живой, и подчас дерзкий по характеру. Он изображал быт портовых кабачков с его драками, в которых иногда и сам принимал участие, табачных курильщиков и прочий мелкий ремесленный люд.

И не удивительно, что фанатизм католических клерикалов во главе с герцогом Альба приобрели в нем дерзкого и смелого противника, тем паче, что монашествующие отнюдь не отличались ни скромностью, ни благонравием. Так вышла из под его кисти тоже бытовая картина: он написал веселую процессию католических монахов, упитанных и розовощеких, — размахивающих бутылками вина и пива. Эта бытовая правда оскорбляла «святость инквизиции» и такую вредную личность почли за святой долг поместить за чугунные решетки тюрьмы. Только находчивость, смелость и друзья спасли его от готового приговора святых отцов быть публично повешенным или сожженным на костре.

Под той же фамилией значатся еще 17 художников и среди них 2 художницы. «Святая Инквизиция» их, видимо, не миловала и они были вынуждены рассеяться по разным странам и некоторые из них поселились в Англии.

Моя племянница, преподавая в Университете Ливерпуля, смогла просмотреть уникальный экземпляр книги с монографиями художников 16-17-18 веков, где также упомянуты все художники Броуэры, но ни о ком не сказано чем они были заняты кроме своего прямого дела. Однако историей Голландии отмечено, что гонения на протестантов латинской церковью, вызвало бегство из страны всех кому угрожал интимный разговор с монахами Инквизиции. Волна фламандских беженцев докатилась и до России, где осев, они продолжали занятие своей мирной профессией: льняно-прядильным делом, главным образом в северных наших губерниях. Далеко не все были людьми этой миролюбивой специальности. И у многих из них остались неоплаченными серьезные счета с Римской Церковью. Естественно спросить, где бы они могли найти место чтобы претворить в действие упорное и неостывающее желание отплатить тем, кто с изуверством фанатиков лишил их семьи, имущества и Родины.

По семейной хронике, которую я получил из России, появление запорожцев Броваров относится ко времени появления герцога Альба во Фландрии.

Плотничая в Саардаме, Петр Великий, живя в домике простого кузнеца, из рассказов узнал о близминувших событиях. Когда же к нему обратились за разрешением приехать в Россию орден иезуитов и еврейские банкиры он этого разрешения не дал. Его симпатии целиком были и остались на сторо-

не потерпевших скромных тружеников, какими он знал голландцев.

Из той же семейной хроники было известно, что Бровары входили в состав Запорожской Казачьей Старшины. Последний есаул Запорожского Войска, Григорий Бровар, при разгроме Запорожской Сечи, увел с собой некоторое количество казаков за Дунай, но, впоследствии, по настоянию писателя Котляревского, прощенные Екатериной, они вернулись. В войне с Турцией, в составе Русской Армии, под начальством Суворова, доблестно сражались. Вот тут и случилось есаулу Бровару спасти тонувшего в Дунае одного из начальствующих, близкого ко двору Екатерины, за что Ею и был обласкан и награжден. Его же дети (3 сына и дочь), были отправлены на казенный счет в Санкт-Петербург, где и получили полное образование. А став инженерами, расказачились. Двое из них рано умерли, не выдержав Петроградского климата. В казачьем роде Броваров, которые всегда были светловолосые блондины, после прабабки турчанки, появились и «черные». И, как предание говорит, многие из них, как «белые», так и «черные», были склонны к искусствам. А уже на моей памяти, Яков Иванович Бровар был известным художником в России и его кнртины сисят в музеях многих городов. Иван Иванович — «белый» Бровар, был незаурядным скульптором любителем, будучи офицером. Генетика же утверждает, что наследственные качества переходят из поколения в поколение и в некоторых из них проявляют себя особенно заметно.

Все это несомненно так, но я чувствую, что здесь я должен остановиться в своем повествовании, несмотря на желание его продолжить. Никаких точных данных о родоначальниках «Голландских Запорожцев» пока получить нельзя. Могут быть только догадки. Мой же закадычный Вика, уже совсем приготовился скомандовать нашей «кадетской станице» на все 5 Континентов: «Пригнись....».

Пусть меня он извинит — не доставлю ему этого удовольствия!

1980 г. **Испания.**

Сергей Латышев,
4 вып. Русского К. К.

Чествование
ПОДПОЛКОВНИКА В. Л. КОХ
столетнего юбиляра.

В ноябре 1982 г. подполковнику В. Л. Кох исполнилось 100 лет. В 1900 году по окончании Киевского Владимирского Кадетского Корпуса он определился в Александровское Военное Училище, которое закончил в 1902 г. и вышел подпоручиком во 2-ой Туркестанский саперный батальон. Подполковник Кох участник трех войн: русско-японской, Первой мировой и гражданской. По окончании японской войны он окончил офицерскую электро-техническую школу и служил по телефонно-телеграфной связи на Кавказском фронте в Первую мировую войну. В гражданскую войну он был начальником службы связи в Добровольческой Армии и при ген. Врангеле.

14 ноября 1982 г. в местечке Роудон севернее Монреаля в Канаде приход и сестричество местной церкви, с помощью родных Валерьяна Леонидовича Кох, устраивали в зале церковного дома его чествование по случаю ста лет со дня его рождения.

После литургии, в 11 часов начался молебен. Служили отец Нафанаил и о. Алексей. Во время чтения Св. Евангелия о. Нафанаил возложил его на голову юбиляра, что вызвало у многих слезы умиления. Батюшки поздравили полковника, а за ними и все присутствовавшие в церкви, с его столетним юбилеем и отправились на трапезу в зал. Украшенный и богато сервированный стол делали зал, при наличии массы цветов, весьма торжественным.

На видном месте стены был помещен окруженный цветами плакат с поздравлением столетия. Только все разместились за столом, как прибыл из Монреаля Владыка Виталий, староста монреальского храма и о. Сергий Петров с матушкой. Владыка Виталий, сообщив биографию юбиляра поздравил и благословил трапезу.

Только мы, русские, знаем то обилие и богатство нашего угощения, приготовленного дружными женскими руками. Духовенству была особо приготовленная трапеза.

Когда разлили шампанское и пропели юбиляру «Многая лета», муж младшей дочери юбиляра Н. Р. Грибовский и старший внук Ф. Н. Грибовский прочли поздравления, полу-

ченные от Ее Высочества Княжны Веры Константиновны, кадет Киевского Владимирского корпуса во главе с А. А. Стацевичем, от Общекадетского объединения в Сан Франциско и Лос Анжелеса, от Объединения воспитанниц Мариинского Донского института; от Объединения русских летчиков и от мужа старшей, ныне покойной, дочери.

Затем юбиляру начали подносить подарки. Юбиляр был растроган, благодаря за такое дорогое внимание. Нельзя не отметить старания лиц, потрудившихся по устройству этого торжества, особенно кадета А. Перекрестова с супругой, поднесших юбиляру портреты двух Императоров, при которых он служил — Императора Александра Третьего и Императора Николая Второго, а также знак Александровского военного училища, образ Св. Александра Невского и Герб Российского государства.

Все было торжественно и красиво. Юбиляр тронутый до глубины души, искренне и сердечно был благодарен всем лицам, удостоившим его такими заботами и радушием, вниманием и подарками.

Муж его старшей, ныне покойной, дочери
П. А. Стефановский.

30 ноября 1982 года.

ИСПРАВЛЕНИЕ

В № 31-ом журнала в «Списке Жертвователей в Фонд журнала» была неправильно напечатана фамилия В. Ленгенфельдера, пожертвовавшего 20 дол. и недавно приславшего пакет книг для архива «Переклички». Просим извинения за допущенную ошибку.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Организация Российских Православных Разведчиков в Париже

Ответственный представитель ОРПР на Европу Алексей Борисович Григорович-Барский прислал нам к праздникам Св. Пасхи очень дружеское письмо, с содержанием которого, мы уверены, будет интересно ознакомиться нашим читателям. Приводим выдержки из этого письма:

«Дорогие друзья, госп. Редактор и все сотрудники и труженики по изданию «Кадетской Переклички». Сердечно поздравляю Вас с Великим, Светлым и Радостным праздником. Особенно благодарю Вас всех за высылку нам бесплатно Вашего столь прекрасного и необходимого журнала. Он нас особенно радует тем, что помещает те материалы, которые так важны для воспитания русской молодежи. Недавно Вами помещена историческая правда об Императоре Павле I и это конечно не все, ибо прочтя каждую статью или заметку в журнале можно и нужно было бы размышлять о многом.

Что касается нас нам очень трудно во всех отношениях, начиная с повышения доллара, это совершенно меняет все возможности наших финансовых планов в Европе.

С некоторым беспокойством ждем очередную Перекличку. Беспокоимся дошли ли до Вас наши письма, заметки для информации и фотографии жизни русской эмиграции в Европе. Прилагаем для Вашего сведения и просим дать отклик на наши «идеологические карточки». Карточки эти наша скромная перекличка с единомышленниками по обе стороны рубежа...»

Воистину Воскресе! дорогой Алексей Борисович. Благодарим Вас за милые слова и посланные «идеологические карточки». От души привстствуем Ваше начинание. Карточки в красках с национальными эмблемами составлены с большим вкусом и прекрасно изданы. Лозунги «Вера спасет Россию», «На родной земле и в эмиграции во имя России против всех врагов» и т. д. привлекают внимание. Карточка посвященная трагедии в Лиенце с надписью «На казачьем кладбище 18 братских могил напоминают о полной бесчеловечности английских солдат, которые в 1948 г. насильно выдавали советским властям всех тех кто отказывался жить под красной

диктатурой» совершенно необходимое указание, что мы не позволим забыть издевательское и предательское отношение к русским людям в каких бы обстоятельствах они ни находились. Это относится к бесчеловечным выдачам 45-го года, к издевательству и истреблению военнопленных, к гекатомбе всех ветвей российского народа в эпоху революционного террора, ежовщины, крымской расправы 1920 года, дальне-восточному предательству, убийству царской семьи, истреблению духовенства и гонению на верующих.

Очень бы хотелось получить от Вас статью о деятельности разведчества в Европе.

С искренним приветом

Редакция.

СПИСОК ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ В ФОНД ЖУРНАЛА

Из Бельгии, Голландии и Германии (прислано Е. Ивановым):

А. Анкудинов 200 б. ф.; В. Будде 500; И. Ветров 500; Т. Вестерлинг 200; А. Володимирова; Г. Гуторович 250; А. Дмитревский 500; Л. Измайлович 200; Е. Иванов 500; Н. Киевский 1000; В. Левин 1000; А. И. Крылова 650; Май-Борода 450; Е. Мейер 3000; Ф. Отзолиг 500; Б. Петрович 1304; Н. Н. Попова-Иванова 500; Б. Рекк 500; Объединение К.Р.К.К. в Бельгии 1536.

Всего 13.790 бельг. фр.

Из других стран:

Взнос в подарочный фонд от Венецуэльского Объединения 110 дол.; гв. кап. В. А. Высоцкий 10 д.; А. Иордан 9 дол.; Я. Михеев 10 д., Д. Горбенко 2 д.; Е. Гирс 9 д.; С. Якимович 20 д.; Наталия Николаевна Якимович 50 д.; С. Сандро 4 д.; П. Пагануцци 4 дол.

Всем жертвователям редакция выражает глубокую благодарность.

— - —

Вечная память

ушедшим однокашникам

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

1 февраля 1983 г. в гор. Итаняем, Бразилия, от сердечного приступа скончался инженер

ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ СУСЛОВ,

кадет 9-го выпуска Крымского Кадетского Корпуса.

—

1 апреля 1983 г. в гор. Кастро Валей, США, скончался верный русский воин

АРКАДИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ЛЕБЕДЕВ,

кадет Сумского Кадетского Корпуса.

—

5 апреля 1983 г. в Канаде скончался

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ АМОЧАЕВ,

кадет Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса.

—

25-го января 1983 г. в г. Штаренберге, Германия, скончался

АФАНАСИЙ ИВАНОВИЧ ШЕЛОУМОВ,

известный русский художник баталист, незадолго до смерти избранный почетным гражданином города.

—

31 января 1983 г. в Нью Йорке скончался

ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ ДИЧЕСКУЛ,

кадет 39-го выпуска Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса.

—

1 августа 1982 г. в Мельбурне, Австралия, скончался

Инж. СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ ТЕМИЩЕНКО,

кадет Владикавказского кад. корпуса, окончивший Крымский кад. корпус с 1-ым выпуском и Пражский Университет.

—

В Сиднее, Австралия, скончался

ВСЕВОЛОД МАРКОВИЧ ПУГАЧЕВ,

кадет 22-го выпуска I Русского кадетского корпуса.

—

5 марта 1983 г. в Сан Пауло, Бразилия, скончался

ВСЕВОЛОД КАРНЕЕВ,

кадет 27-го выпуска 1-го Русского В. К. Константина Константиновича Кадетского Корпуса. Семье покойного кадеты выражают искреннее соболезнование.

—

ГЕНЕРАЛ М. Г. ХРИПУНОВ.

(фото Е. Жаркова)

Генерал Михаил Георгиевич Хрипунов родился в России 17-го ноября 1889 года в области Всевеликого Войска Донского, в Усть-Медведицкой станице, где было пять церквей, две гимназии, семинария и Окружной Суд. Его родители были казаками; отец отставной полковник.

В 1900 году будущий генерал поступил в Донской Кадетский корпус и учился там до 1907 года. С 1907 по 1909 он был в Николаевском Кавалерийском Училище, откуда вышел в Лейб-Гвардии Атаманский Полк, в котором прослужил до 1920 года.

В 1915 г. его полк был вызван с фронта по высочайшему повелению в Петроград для временного несения охранной службы, как в самом городе, так и в Царском Селе и окрестностях столицы. На день полкового праздника 23-го ноября, св. Князя Александра Невского, был у них парад в пешем строю в Царском Селе, и Его Императорское Величество — ныне св. Николай Царь-Мученик — пожаловал полкового адъютанта Михаила Георгиевича званием флигель-адъютанта.

«Стоял трескучий мороз», описывал Михаил Георгиевич это событие: «не знаю, как другие, но я под собой ног не

чувствовал: по франтовству одел тонкие сапоги и ноги мои одеревенели окончательно, а уши то горели, то холодели. Стою я перед штандартом, как полковой адъютант, и слышу, как Государь тихо говорит священнику: «Батюшка, если можно, немножко поскорей, т. к. мороз большой и всем очень холодно». — Молебен длился восемь минут, но нам, дрожащим от холода, он показался чуть ли не восьмичасовым!»

«После молебна я отнес штандарт на правый фланг полка и мог видеть, что Государь что-то говорит Командиру полка, а тот кланяется. Ну, решили все, — значит Командир полка зачислен в свиту. А на самом деле, как сказали мне потом офицеры, когда я относил штандарт, Вел. Князь Борис Владимирович подошел к Государю и глазами показал ему на меня, на что Государь приветливо кивнул головой. Офицеры, стоявшие в строю и видевшие это, решили: «Ну, значит и Хрипунов попадает в свиту!» Иду мерным строевым шагом к середине полка, где стоит Государь и вся свита. Генерал Сазонов кричит: «Бегом!» — Я подбежал к Государю, который, смотря мне прямо в глаза, спросил: «Вы, Хрипунов, который год полковым адъютантом?» — Я ответил: «Второй год, Ваше Императорское Величество». — Государь, окинув меня взглядом, сказал: «Ну, поздравляю Вас моим флигель-адъютантом».

В годы его службы Генерал Хрипунов был награжден следующими орденами: св. Анны 4 и 3 степени, св. Станислава 3 и 2 степени, св. Владимира 4 и 3 степени: все они с мечами.

Когда расформировали полки, Михаил Георгиевич остался с частями своего полка на Дону, где атаман Краснов составил Донскую Армию. Много новых донских казаков вступили в ряды полка и он продолжал существовать, как Лейб-Гвардии Атаманский полк приказом по Войску Донскому.

Генерал Михаил Георгиевич был ранен дважды и, как он сам говорил, «одна рана была довольно интересная: пуля прошла прямо над моим сердцем и на коже остались только две дырочки, отмечая, где она вошла и где вышла».

К 1920 году остатки Белой Армии были рассеяны по всему свободному миру и начинали свою новую жизнь на чужбине. Генерал М. Г. со своей женой поселились во Франции, в Каннах, где он управлял имением одной состоятельной англичанки лэди Джуль. Когда началась Вторая мировая война, эта дама пригласила Хрипуновых в Ирландию, где купила им дом, в котором и жили генерал с женой до 1955 г. и оттуда перее-

хали в Женеву. Там генерал стал чтецом в соборе Воздвижения Креста Господня.

Четыре года спустя, в 1959 г. генерал был избран членом Православного Палестинского Общества и переехал в Иерусалим, устроившись в Гефсиманской Обители. Сразу по приезде генерал всецело погрузился в работу Общества, а в 1968 г. стал его Председателем. В этом году структура О-ва была перестроена согласно статуту Императорского Православного Палестинского О-ва новым Начальником Русской Духовной миссии архимандритом Антонием, который сам был также членом и вице-председателем Совета О-ва.

Каждый день в течение двадцати лет генерал Михаил Георгиевич ревностно выполнял обязанности чтеца в монастырском храме св. равноапостольной Марии Магдалины и пел басом с хором. На пластинке, напетой хором Гефсиманских инокинь, слышен именно его голос, его бас.

В 1981 году в Великий Четверток он пережил первый удар, оставивший всю его левую сторону парализованной. Когда Архим. Антоний пришел к нему, пораженный новостью, генерал хотя и с большим трудом, но сказал ему так, как некогда отвечали казаки Тарасу Бульбе перед боем: «Есть еще порох в пороховницах: не гнутся еще казаки». Это было вполне в духе его верной службы и исполнения своего долга, совершенного посвящения себя делу, на которое он поставлен.

Несмотря на эту продолжительную физическую немощь, Михаил Георгиевич полностью сохранял умственную способность и ясность сознания и, хотя с трудом, но продолжал деятельно управлять делами Прав. Палестинского О-ва, попостоянно осведомляясь обо всех легальных и финансовых деталях О-ва.

В четверг 17-го марта 1983 г. Михаил Георгиевич подвергся второму удару, после чего он оказался полностью парализован. За несколько дней до этого он попросил с. Веру, Гефсиманскую инокиню, чтобы она осталась при нем до конца и закрыла бы ему глаза по его смерти. Когда она уверила его, что она его не оставит, он радостно сказал ей: «Если после смерти я буду иметь какое-то дерзновение перед Богом, я за тебя буду молиться. Только таким образом я могу как-то тебя отблагодарить».

Так как этот второй удар парализовал полностью М. Г., пришлось вызвать скорую помошь и отвезти его в госпиталь, неподалеку от нашего Елеонского монастыря. Предваритель-

но о. Архим. Антоний причастил его Св. Таин. В больнице день и ночь за болящим смотрела с. Вера, посещали его многие сестры обеих Обителей. О. игумен Мефодий совершил над ним соборование и несколько раз причащал Св. Таин.

Накануне Праздника Благовещения Пр. Богородицы, в то время когда в наших храмах совершалась всенощная этот человек долга с ранних своих юных лет и до последнего дня своей жизни, один из «последних могикан» великой Российской Империи, генерал Михаил Георгиевич Хрипунов тихо отошел ко Господу, не придя в сознание. Это было в 6 ч. в. 6-го апреля 1983 года.

Отпевание и погребение было совершено духовенством Русской Духовной Миссии в Иерусалиме во главе с ее начальником Архимандритом Антонием. Присутствовали и представители Иерусалимской Греческой патриархии и друзья покойного. Архимандрит Антоний в своем слове отметил совершенно особую благородную черту характера покойного: безграничную преданность идее, исключительную скромность и церковность.

С любовью проводили сестры Гефсиманской обители своего старца-генерала к месту его последнего упокоения, на гефсиманском кладбище, на место им самим выбранное.

Да упокоит Господь душу Своего верного раба, чтеца и воина Михаила, в селениях праведных!

Св. Град Иерусалим.

ПАМЯТИ

ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ОЛФЕРЬЕВА.

6 апреля 1983 г. в инвалидном доме при Толстовской ферме в г. Наяк, США, после многолетней тяжелой болезни скончался поручик артиллерии Югославской армии

Павел Васильевич Олферьев,

кадет 14-го выпуска I Русского Вел. Кн. Константина Константиновича Кад. Корпуса, многолетний председатель Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов, основатель и первый редактор «Кадетской Переклички».

По окончании корпуса вице-унтер офицером и югославского военного училища покойный вышел в артиллерийский полк, стоявший в Белой Церкви, в том же городе, где находился и кадетский корпус. В этом маленьком городе протекала спо-

койная, размеренная жизнь молодого офицера до начала войны с Германией. Короткая война с немцами на Балканах, закончившаяся для молодого поручика пятилетним пленением, резко сломав старые устои и относительно беззаботную жизнь, течение которой направлялось стандартами, установленными вначале корпусным начальством, затем военной школой и офицерской средой, поставила перед ним задачи, требовавшие его единоличного решения.

Определение нашего отношения к воюющим сторонам было несколько более сложным, в условиях последней войны, чем это было для современников прошлых войн. Вместо ясной картины, где враг и где правда, политический узел, завязанный воюющими сторонами, обращался для нас в неразрешимый, казалось, гордиев узел без конца и начала. Враг был вокруг нас. С одной стороны бурно расцветший сталинский террор на родине, вырывавший с корнем все то, на чем строилась веками Россия и уничтожавший русский народ, первую жертву коммунизма, с другой — звериный оскал гитлеровского «унтерменшенства» смешанный с вечным немецким «дранг нах остен». Выжидательная позиция запада не вносила ясности в эту сумбурную картину и затрудняла поиски правды. И когда в лагерь пленных югославских офицеров приехали, как называл их Павел Васильевич, «немецкие охотники за черепами», тщательно сортировавшие пленных по этническому признаку и предложили им вступить в специальные формирования при немецкой армии, в итальянскую армию или в армию пресловутого убийцы короля Александра «поглавника» Павелича, Павел Васильевич вынес свое, м. б. первое в жизни, ответственное и тяжелое решение. Невзирая на сильное давление в специальном лагере он отказался от всех предложений и предпочел голод и заключение в плену относительной свободе, связанной с компромиссом. Возвращение его и его группы в лагерь военнопленных было триумфальным.

Таким мы и помним его в послевоенные годы. Твердым в своих убеждениях и упорным в исполнении принятых на себя обязательств.

По освобождении из плена американцами Павел Васильевич попадает в югославский беженский лагерь, где сотрудничает в издании информационного бюллетеня до своего отъезда в США в 1949 году. Первые шаги в новой стране он начинает преподавателем верховой езды в специальной школе, а затем устраивается корректором в книжное дело В. Раузена, одно-

временно посещая технические курсы при Союзе Русских инженеров. По окончании курсов он служит чертежником в инженерно-проектировочной фирме в Нью-Йорке. Свое свободное время Павел Васильевич отдает кадетскому объединению, одно время занимая пост председателя, а затем посвящает все свои знания и силы редактированию журнала «Кадетская Перекличка». В 1977 году тяжелый недуг прекращает эту, любимую им, деятельность.

Покойный был два раза женат. Во втором браке имел дочь Анну и двоих пасынков, ставших членами кадетского объединения.

Кадеты, потерявшие деятельного члена объединения и верного кадета, выражают глубокое соболезнование Зинаиде Анатольевне, детям, сестре М. В. Хижняковой с семьей и всем родственникам и близким покойного.

Н. В. Козякин.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДАВНО УШЕДШЕГО.

Объединение К.Р.К.К. — Княже Константиновцев в Бельгии, исполняя просьбу сестры покойного, К. М. Анненковой, с прискорбием оповещает однокашников о кончине

Николая Митрофановича
АННЕНКОВА,

кадета 26-го выпуска I Русского Вел. Князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

Родился 5-1-1928 года в городе Клокочевцы (Югосл.). После тяжелой болезни, скоропостижно скончался 16-8-1945 года, похоронен в гор. Бела Црква (Югосл.).

Мир праху твоему, милый Колюша, помним и молимся Богу о тебе! Упокой, Господи, душу его!

Любящие тебя Мамочка и сестры: Катерина, Аллочка и Ксеня.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
СЕРГЕЯ БАЙКАЛОВА-ЛАТЫШЕВА.

Каждый раз когда приходит почта я с беспокойством перебираю письма. Неужели опять придет извещение о смерти дорогих нашему сердцу друзей. Сегодня пришло короткое письмо: «С прискорбием сообщаю Вам о смерти моего мужа Сергея Байкалова, наступившей 9 апреля сего года от рака желудка. Елизавета Байкалова-Латышева».

Я встретился впервые с Сергеем в Париже на съезде, хотя до этого уже знал его и глубоко ценил по переписке с ним. Сережа был один из немногих кто одел русскую военную форму в возрасте семи лет, поступив в Харбине в «Школу-приют Е.И.В. Наследника Цесаревича Алексея Николаевича для детей офицеров Заамурского Округа Пограничной Стражи», где три года, до перевода в Киевский Владимирский Кадетский Корпус, носил заамурские зеленые погоны с черным кантом и вензелем «А» с короной. Затем в составе Киевского Корпуса мутные волны русской смуты привели его, кадета 4-го класса, вначале в Одессу, а потом через Варну в Югославию, где белые погоны он сменил на малиновые Русского Кадетского Корпуса, тогда созданного из кадет одесситов и киевлян. Корпус он окончил с 4-ым выпуском проносив кадетскую форму 11 лет.

Передо мной старая фотография Сережи Латышева кадета 4-го класса только что добравшегося до Сараева. На рубахе у него только две пуговицы да и те спороты с шинели. Остальные по дороге растерялись.

По окончании корпуса — Белград, где покойный принимал деятельное участие в Обществе «Русский Сокол», откуда вынес свои идеи панславизма. Стремление осмыслить причины происшедшего краха государства Российского приводит его в Н.Т.С. и затем в Русский Национальный Союз, возглавляемый ген. Туркулом. Во время войны он вступил во 2-ую конную казачью дивизию, вначале офицером связи, а затем командиром 6-го эскадрона. Награжден двумя орденами. В январе 1945 г. перевелся в

Р.О.А. в распоряжение ген. Меандрова и был командирован в Югославию для связи с четниками, что и спасло его от преступной выдачи в Платлинге.

По окончании войны, переезд в Чили, где покойный серьезно занялся живописью, вскоре создав себе имя в Сантъяго и Вальпараисо. Перед приходом к власти Айенде, покидает гостеприимное Чили и переселяется в Испанию, где продолжает заниматься художеством, пока тяжелая болезнь не заставила его поселиться в Доме Отдыха в Сан-Рафаэле во Франции.

О нем, как художнике, лучше всего говорит статья Мориса Педепиеса, помещенная в «Нис Матэн» 2-го авг. 1981 года:

«Вдали от Чили и России, его родины, Байкалов находит радость в живописи. С Сергеем Байкаловым, Дом пенсионеров «Эрмитаж» несколько месяцев назад обрел у себя талантливого художника, вдали от своей родины России, оставленной после революции, сумевшего сделать себе имя как в Чили, так и в Испании и Франции.

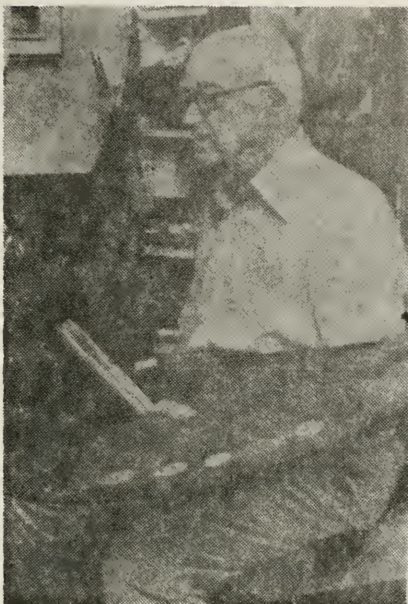
Художник-реалист этот сын царского офицера и племянник художника Бровара прожил долгие годы в Чили, где с успехом украсил своими работами православный храм. Влюбленный в море он создал кистью захватывающие полотна мотивов Тихого Океана, многие из которых достойно размещены в музеях или коллекциях частных лиц.

В Испанию он привез карандашные рисунки пейзажей Чили воспетых поэтом Карлом Казассусом.

На Иберийском полуострове он также сумел запечатлеть несравненную красочность Атлантика. Его выставки в больших и известных галереях Ниццы: Мужен, Вальбонн, привлекали внимание знатоков.

Но, увы, паралич заставил Сергея Байкалова искать

отдых в доме Сан Рафаэля, где он снова взялся за кисти. В данный момент он заканчивает заказ на иконы для австрийского заказчика и радуется, принимая своих учеников с Лазурного Берега, как и письмам своих адептов из далекого Чили.

В своей маленькой комнате в Эрмитаже, Сергей Байкалов живет окруженный сувенирами, вновь обретя тягу к живописи на радость пенсионеров дома. Быть может он выставит что-либо из своих чудесных работ на следующей выставке в Жорес-Эстерель. Это для Сан Рафаэля было бы откровением и случаем познакомиться с художником большого престижа.

Морис Педепиес».

В ноябре прошлого года Сергей подвергся серьезной операции, после которой настали месяцы упорной борьбы с безжалостным недугом. И в этот тяжелый период, не теряя свой природный юмор Сергей писал нам: «...только что узнал, что объединение в Нью Йорке решило послать мне помощь на «приварок к ротной пище для худосочных и малокровных» как читалось в приказе по корпусу на вечерней перекличке. Тогда я только мечтал об этом приварке и вот, когда стукнуло мне 77 лет этот приварок получил от моих дорогих однокашников из Сан Франциско, Лос Анжелеса и теперь Нью Йорка. Я действительно худосочный и мне понадобится еще 2-3 месяца прежде чем смогу брать пищу из общего котла. Прошу передать большую благодарность всем, кто еще меня помнит».

Сергей Байкалов-Латышев талантливый художник, славянофил и русский патриот, один из деятельных сотрудников нашего журнала принадлежал к тем людям, о которых поэт сказал:

Не говори с тоской: их нет.
Но с благодарностию: были.

Н. Козякин.

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ДИМИТРИЕВИЧА ЗОЛОТНИЦКОГО-СКРЯБИНА.

Алексей Димитриевич Золотницкий-Скрябин родился в г. Иркутске 18 июня 1913 г. До поступления в кадетский корпус в Югославии, Алеша учился в русской школе в Паповичах, Словении, а затем в Первом Русском Вел. Кн. Константина Константиновича К. корпусе в г. Белой Церкви, который окончил в 1934 г. После окончания кад. корпуса, Алеша учился в Белградском Университете на лесном факультете и окончил топографические курсы.

В Югославии работал как топограф, а после войны переселился в Венецуэлу, где работал по специальности почти 20 лет. Затем, получив контракт на топографические работы в Либии, Триполи, он оставался там до политического переворота, когда ему пришлось покинуть эту страну. Из Либии Алеша переехал в Италию и поселился в Риме, где прожил почти 12 лет. В сентябре 1982 г. Алеша переехал в Канаду, в г. Торонто, где живет его дочь Татьяна.

Все эти годы скитаний по разным странам, Алеша тяжело переносил разлуку с любимой дочерью, тосковал без русского общества и друзей. Вот почему приехав в Торонто к дочери он с радостью вошел в жизнь русского общества и кадетского объединения, где нашел своих товарищей и близких друзей. Никто из нас не мог предположить, что на вид здоровый человек так скоро уйдет от нас. Внезапная болезнь приковала его к больничной постели на семь мучительных недель и 23 марта Алеша скончался.

Похоронен 26 марта 1983 г. с кадетскими почестями в присутствии многих кадет и друзей.

Ушел от нас скромный и добрый человек и хороший товарищ.

Мир праху твоему дорогой однокашник и вечная тебе память.

Объединение кадет г. Торонто выражает свое глубокое соболезнование дочери Татьяне Алексеевне и близким.

Printed by "Monastery Press". 8011 Champagneur Ave., Montreal, Quebec. H3N 2K4. CANADA.